

Институт света

The institute of light

institut des lichts

617.7

21172

Андреевский

Институт свѣта

3/1185 Штерова

17 XII 98 Штерова

13.01.94 Блохин

14/III.07 Покоморич

7/12 Волжан

Поверніть книгу не пізніше
зазначеного терміну

617.7

A 65

Н. АНДРИЕВСКИЙ

ИНСТИТУТ СВЕТА
THE INSTITUTE OF LIGHT
DAS INSTITUT DES LICHTES

Уд. Эдисон. Институт
Главных болезней
имен. индем. В. П. Филатова
2172 г. Одесса

БЛИОТЕКА

ОДЕССА—1967

617.7
A65

NIKOLAI ANDRIJEWSKI
TRANSLATED BY A. A. DRIOMIN
: ÜBERSETZT VON R. S. MASINA

PUBLISHING HOUSE
"MAYAK"
ODESSA — 1967

VERLAG "MAYAK"
ODESSA — 1967

2-8-4
222-67M

Приходилось вам в детстве играть в фанты? Если да, то вы, конечно, хорошо помните странное, можно сказать, мучительно беспомощное и растерянное чувство, возникающее у человека с завязанными глазами. Это чувство неуверенности, граничащее с подавленностью: вы, зрячий человек, вдруг ничего не видите. И вам от этого становится жутко. А потом, когда, наконец, снимают темную повязку, отделяющую от близкого и понятного, реально зримого мира, как приятно взглянуть на окружающую обстановку, на близких и друзей, на небо и землю, на деревья и дома!

Возможность видеть — огромное счастье. Пожалуй, самый большой дар природы на земле. А что же тогда слепота?..

Когда великий композитор и музыкант Бетховен, вся жизнь которого была связана с миром звуков, потерял слух, он, несмотря на страшную беду, все же продолжал свою творческую деятельность, его музыкальный гений не угас. А вот если бы живописец лишился зрения, то каким бы выдающимся ни было его дарование как художника, он не смог бы писать картин.

Глаза — окошки в мир. И когда они плотно закрыты, человеку кажется, будто он попал в черную бездну. Безысходный мрак ночи сковывает волю, опустошает душу. Нет, не просто опустошает, а, выражаясь языком хирургов, покрывает ее толстыми болезненными рубцами.

Рассказывали, что однажды какой-то врач-офтальмолог искусственно «ослеп», одев себе на глаза светонепроницаемую повязку, чтобы на протяжении месяца глубже почувствовать внутреннюю драму слепца. Это, конечно, не могло служить точным лакмусом, ибо само сознание зрячего человека, что он добровольно делает над собою только эксперимент — и не более, снимает девять десятых тех страшных психических наслоений, которые образуются у настоящего незрячего, лишенного зрения по воле злой судьбы.

Как бы там ни было, но уже одно то, что некоторые врачи, желая полнее изучить душевное состояние больного, переносят на себе его страдания, делает им большую честь, и побуждает нас всегда уважительно вставать перед человеком в белом халате.

И не случайно на могиле Филатова, что на втором городском кладбище в Одессе, у подножья гранитного бюста на мраморной плите выразительно высечен из белого камня врачевный халат.

Восемьдесят один год прожил этот известный на земном шаре человек. Из них почти шесть десятков лет посвятил благородному делу служения людям. Тысячи незрячих благо-

Главный лечебный корпус
Main building
Das Hauptgebäude

дарны ему за свое исцеление. В тысячи глаз он впустил благодатные лучи света. Сотни научных работ опубликовал Владимир Петрович по вопросам офтальмологии. Практическое знакомство Филатова с медициной началось еще в конце прошлого столетия. Будучи студентом медицинского факультета Московского университета, он во время каникул приезжал домой, в Пензенскую губернию, и в небольшой больнице помогал своему отцу, земскому врачу, принимать больных.

Именно тогда в его душе и возгорелось пламя врачебного призвания, пламя любви к больному и глубокое проникновение в его страдания. Тогда, вспоминает Филатов, сотни слепых людей обращались к врачам с мольбой: «Откройте нам глаза!» Но медицина была абсолютно бессильной даже перед обыкновенным бельмом на глазу. В основу деятельности Филатова лег принцип — «переносить все на себя», становиться на место пострадавшего. Если врач даже и не чувствует особого расположения к больному, подчеркивал Владимир Петрович, то, как минимум, он должен обладать высокоразвитым чувством врачебного долга. Отсюда и родились знаменитые филатовские изречения: «Нет неизлечимых болезней. Есть только болезни, которые мы сегодня еще не научились лечить»; «Все средства науки — для исцеления больного! Никогда не опускать рук и бороться до конца»; «Фантазия не унижительное слово. Но для того, чтобы обосновать свою выдумку, добиться точно научного успеха, мало одной фантазии, недостаточно даже ума, знаний, настойчивости: нужна неистовая, всепоглощающая страсть»; «Пессимизм у постели больного и в науке бесплоден, и не ему принадлежит будущее».

Когда сегодня мы посещаем Одесский институт глазных болезней и тканевой терапии имени В. П. Филатова, этот известный всему миру городок, в котором рождается свет, — неизменно вспоминается тот, кто заложил основы советской офтальмологии, завоевав ей мировую славу.

Кабинет, где когда-то работал академик В. П. Филатов, превращен сейчас в музей. В нем сохранена та обстановка, в которой до 30 октября 1956 года, дня кончины ученого, проходила его кипучая деятельность. На письменном столе чернильный прибор и книги, которыми в последние дни своей жизни пользовался Владимир Петрович. Под стеклом — настольный календарь с датой: «30 октября 1956 г.» На стене — большие часы, с навечно остановленными стрелками на

семи часах: в это время, вечером, скончался Филатов. А в углу, возле входа в кабинет, висит сверкающий белизной халат великого борца против слепоты. Словно вот-вот вернется за этим одеянием его владделец, чтобы спокойно сесть напротив больного и ласково спросить: «Ну-с, так что у вас с глазами?» За кабинетом и за так называемой «темной комнатой», где когда-то осматривал больных академик, ныне размещены экспонаты музея Филатова, которые бережно и любовно охраняет жена покойного старший научный сотрудник института кандидат медицинских наук Варвара Васильевна Скородинская, многие годы работающая в институте.

Хорошую славу оставил после себя создатель этого института. И не только в памяти прозревших, но и в истории советской медицины. Главное — плодотворно ныне действует филатовская школа. Она впитала в себя все то ценное и полезное, что накапливалось в течение многих десятилетий, и теперь делает новые шаги вперед.

Пройден немалый путь. И поэтому небезынтересно было бы проследить его от начала и до сегодняшнего дня, чтобы реальной представить себе день завтрашний. В деятельности Владимира Петровича как-то гармонично сплелись поиски ученого, художника и поэта. Именно — и художника, и поэта! Ведь Филатов был весьма разносторонним, широко образованным и одаренным человеком. Он много читал и видел, хорошо разбирался в литературе и искусстве, увлекался музыкой, живописью, поэзией. Этот седобородый ученый, который в стенах института казался несколько замкнутым и суровым, но был всегда добрым и внимательным к людям, — очень любил природу.

«Место моего рождения определяется восьмью словами: селцо Михайловка, Протасовской волости, Саранского уезда, Пензенской губернии, — писал Филатов в своих воспоминаниях. — Деревянное длинное одноэтажное здание серого цвета

с железной зеленой крышей. Сад огромный, ягоды, вишенник, перед террасой — розы... Весною мы наполнялись соками жизни вместе с зелеными листочками берез, с душистыми почками тополей, с белыми и нежно-розовыми цветами яблонь и вишен, с желтеющими лютиками, лиловыми колокольчиками, с душистыми ландышами. Мы пили весенний березовый сок, мы заслушивались пением соловьев и малиновок, мы любовались золотыми иволгами... Природа! Сколько раз ты брала мою душу на свои руки и качала ее в минуту детской радости, и укачивала ее старую, больную в часы горя и страдания... Благословляю тебя, родная природа, питавшая меня чистыми соками твоей красоты!.. Я, вероятно, вполне правильно; отдал свою жизнь медицине. Но что бы я делал с одной наукой без искусства, я не знаю. Живопись и поэзия входили каким-то фактором в мою научную работу. Я нередко решал некоторые научные проблемы, рисуя себе зрительные образы».

Человек, так самозабвенно влюбленный в природу, конечно, не мог не прочувствовать глубоко, каким дорогим даром являются глаза и возможность видеть окружающий мир. У незрячего судьба украла это большое счастье. Его нужно вернуть человеку. Нужно спасти несчастного от ударов жестокой судьбы. Люди верят врачам, они ждут от своих спасителей величайшего блага жизни: возвращения зрения. Они жаждут видеть солнце, свет. Это им, «детям мрака, детям ночи», посвятил молодой Филатов вырвавшиеся из самого сердца, волнующие поэтические строки:

Ждите, верьте, дети ночи:
Будет миг, и ваши очи
Навсегда покинет тень!
Нет, не вечны тьмы оковы!

Академик В. П. Филатов среди тех, кому возвратил зрение
Academician V. P. Filatov among those whom he recently restored eyesight

Akademiemitglied W. P. Filatow unter denen, die mit seiner Hilfe ihr Sehvermögen zurückerlangt haben

Кто-то юный слышит зовы,
Кто-то юный к вам придет.
Теплой жалостью согрета
Мысль его — сильнее света —
Мрак тяжелый разорвет!

Страшный бич зрения — бельмо, рубец роговой оболочки. Против него и ополчился Филатов, уверенно раздвинувший ширму, через которую свет не мог проникнуть в зрачок. Был, наконец, найден ключ к разгадке тайны пересадки роговицы,

СССР - наша страна

к тому, чтобы «заставить» трансплантат хорошо, прозрачно прижиться на новом месте.

Что значит — «заставить»? Операция пересадки (керато-пластика), разработанная В. П. Филатовым, заключается в том, что из бельма вырезают диск, диаметром в четыре-пять миллиметров, и на это место вшивают кусочек прозрачной роговой оболочки другого глаза. Лучше — если живого, считали окулисты. Но Филатов опроверг это утверждение и доказал, что эффективнее приживается именно не свежая роговица, а взятая из глаза умершего и консервированная в холодильном шкафу при температуре 3—4 градуса тепла. При этом, заметил Филатов, очень часто вокруг пересаженного кусочка роговицы оставшиеся участки бельма начинают светлеть, иногда так энергично, что остатки бельма и вовсе исчезают.

В чем же дело? Оказывается, изолированная от организма живая ткань очень активно борется за свою жизнь. Поставленная в неблагоприятные условия (пониженная температура), но окончательно не убивающие ее, ткань продолжает интенсивную борьбу за свое существование, работа ее живых клеток перестраивается, клетки начинают вырабатывать защитные вещества, поддерживающие жизнь изолированной ткани. Эти вещества являются как бы стимуляторами жизненных процессов, биохимических реакций. Поэтому Филатов и назвал их «биогенными стимуляторами». Родился новый метод в лечебной медицине — тканевая терапия, проложившая себе себе широкую дорогу, — от Мурманска до Еревана, от Сахалина до Риги и далеко за пределами Советского Союза. В Японии, например, в свое время были созданы два специальных института, занимающиеся тканевой терапией. Несколько лет тому назад издаваемый в США офтальмологический журнал писал: «Большой импульс в области тканевой терапии был дан замечательными русскими исследователями. Последователи Филатова открыли совершенно новую фазу в

медицине, почти такую же поразительную по подходу и захватывающую по размаху, как исторический вклад Пастера и Листера».

Методика консервирования трупных глаз, предложенная Филатовым, теперь применяется во всех странах мира. «Там, где смерть неизбежна, рождается жизнь», — в этом основная идея Филатова. Так образно охарактеризовала успехи советских офтальмологов Румынская академия наук.

Однако, чего греха таить: были и маловеры (и сейчас, возможно, кое-где есть), сомневающиеся в целесообразности тканевой терапии или просто не понимающие ее глубокого научного смысла, роли и значения биогенных стимуляторов в жизнедеятельности организма. Филатов умел дать достойную отповедь своим противникам: «Тканевая терапия вполне согласуется с замечательным положением русской медицины о ведущей и определяющей роли самого организма больного, его реактивности в течении и исходе любого заболевания, положением, развитым С. П. Боткиным, И. М. Сеченовым и И. П. Павловым... Мы знаем, что, по учению академика И. П. Павлова, ни один процесс в организме не совершается без участия нервной системы, и в первую очередь высших ее отделов. Нервная система играет при лечении биогенными стимуляторами такую же руководящую роль, какую она выполняет при других видах лечения организма».

Сделав величайшее открытие, Филатов и практически разрешил его, изыскав необходимый материал для пересадки роговицы. Ныне в Советском Союзе использование глаз умерших для кератопластики окончательно легализовано. Поэтому любой врач, производящий операции по пересадке роговицы, может получить нужный материал в своем городе. Легализация очень выгодна для успешного проведения пересадки и в том плане, что она способствует тщательному отбору роговиц трупных глаз: на операционный

стал попадать роговица, прошедшая специальные лабораторные исследования.

Как известно, медицинская помощь в нашей стране оказывается бесплатно. Бесплатное лечение проводится и в институте им. Филатова. Причем лечатся здесь не единицы, а тысячи, сотни тысяч человек. О грандиозных масштабах работы института убедительно говорят цифры. За двадцать послевоенных лет количество посещений амбулаторных больных превысило полтора миллиона человек. За это же время свыше 60 тысяч больных прошли курс стационарного лечения при клинике института, располагающей 450-ю койками (кстати, до войны их было в три раза меньше). В клинике можно встретить людей, прибывших со всех концов Советского Союза: из городов, глубинных деревень, аулов, кишлаков. Но не только советские граждане лечатся здесь. С ростом популярности филатовский институт стал лечебным центром международного значения. Сюда стремятся жаждущие прозреть рабочие и крестьяне, общественные и государственные деятели социалистических стран, на лечение приезжают из Англии, Италии, ОАР, Сирии, Пакистана, Аргентины и многих других стран мира. Лечившийся здесь ученый египтянин Хасан Сабхи образно назвал Украинский научно-исследовательский институт глазных болезней и тканевой терапии имени академика В. П. Филатова «институтом света».

— Я провел здесь,— заявил Хасан Сабхи,— сорок дней. Никогда не забуду тот день, когда я смог различать первые проблески столь дорогого для меня света...

В адрес института ежедневно приходит огромное количество писем. Здесь и запросы больных о возможности быть принятым на лечение, и просьбы врачей дать консультацию, и благодарности тех, кто прозрел. Специалисты филатовского института ныне переписываются с учеными шестидесяти стран.

Советские офтальмологи (справа налево) Н. А. Пучковская, Е. А. Будилова, Д. Г. Бушмиц демонстрируют больного Белградскому профессору Ивану Станковичу (второй слева)

Soviet eye specialists (right to left): N. A. Puchkovskaya, E. A. Budilova and D. G. Bushmich show a patient to Prof. Ivan Stankovic from Belgrade (second from the left)

Die sowjetischen Ophthalmologen (von rechts nach links) N. A. Putchkowskaja, E. A. Budilowa und D. G. Bumschitz demonstrieren einen Kranken dem Belgrader Professor Iwan Stankowitsch (zweiter von links)

Приезжают в Одессу за опытом врачи из-за океана, из Европы и Азии. В 1964 году в Одессе состоялся международный симпозиум по вопросам современной кератопластики, в котором приняли участие 13 стран. В филатовском институте побывала также большая группа специалистов — офтальмологов из Лондона и других городов Англии. В свою очередь директор института Герой Социалистического Труда профессор Надежда Александровна Пучковская посетила Англию. Там она делилась опытом с видными окулистами Великобритании.

Научный сотрудник института Т. У. Горгиладзе свыше месяца пробыл в Ираке, обучая тканевой терапии арабских специалистов. С ответным визитом Одессу посетили окулисты Багдада — Субхи Ибрагим Муниб, Абдул Гани Залзала, Мудгафар Ибрагим Аль-Садир.

— Очень хорошо! — восклицали арабы, знакомясь с работой прославленного института света. — Филатовский препарат АЛОЭ — одно из популярнейших лекарств в Ираке...

И вновь (в который раз!) зарубежные гости удивлялись бесплатному лечению в Советском Союзе.

— Это одно из завоеваний нашей революции, — просто и ясно пояснила им главный врач института Евдокия Антоновна Будилова, — оказалось выгодным не только больным, но и нам, врачам, потому что мы имеем возможность держать в клинике больного столько, сколько нужно для его полного излечения: иногда несколько месяцев. Имеем возможность повторно вызывать своих пациентов, наблюдать за ними. А это, несомненно, способствует успеху лечения.

Зарубежная печать неоднократно отмечала именно медицинскую сторону бесплатного лечения в Советском Союзе как самую прогрессивную, открывающую перед врачами широкие возможности и перспективы.

Почти каждый из посетивших институт иностранных турист-

тов осведомляется, есть ли в СССР так называемый «глазной банк» для хранения и доставки в лечебные учреждения тканей, годных для пересадки. Всем известно, что в Америке, например, создан такой «банк». Тот, кто нуждается в кератопластике, может за крупную сумму денег приобрести нужный материал для трансплантации. Ну, а если необходимой суммы нет?

Агентство «Юнайтед Пресс» как-то сообщало о том, что некий подрядчик из Некс-Сити Фрэнк Бенбоу, нуждающийся в глазной операции, решил приобрести глаз у одной молодой женщины, матери троих детей, которая заявила следующее: «Мой муж — трудолюбивый работник. Но его заработка не хватает на семью. Я продумывала этот план три года и обдумала его во всех отношениях. Мои малыши стоят того, чтобы рискнуть, и мой муж дал на это согласие». Вскоре эта несчастная женщина получила письмо от своего соотечественника: «Если у вас есть больше предложений, чем на один глаз, дайте мне знать: я нахожусь в таком же положении, как и Вы, и готов продать свой глаз».

Репатрированный из Греции на родину с группой армян полуслепой певец Артур Айдинян в свое время отказался лечиться в институте имени Филатова только потому, что, как он заявил, у него не хватило бы средств для того, чтобы прозреть на оба глаза. Когда же ему разъяснили советскую систему здравоохранения, Артур Айдинян от радости и счастья запел! Говорят, песня — зеркало человеческой души.

Тонкий знаток и ценитель искусства, Филатов слушал своего пациента с большим волнением, внимательно присматриваясь к его чуть запрокинутой голове, извечной манере всех слепых. А спустя два года Владимир Петрович, сидя в первом ряду Одесского оперного театра, с таким же волнением, смешанным с законной гордостью и радостью, слушал концерт Артура Айдиняна. Заметив сидящего в партере своего исцели-

тея, Артур приложил к сердцу руку и поклонился. Филатов видел, как счастливо он улыбался, и, возможно, вспомнил мудрое изречение, что нужно смотреть на мир глазами счастья, тогда все будет хорошо.

«Я полагаю, что мои ученики, узнавшие мои мечты и думы, связанные с проблемой пересадки роговицы, ознакомившись с радостями и разочарованиями, с препятствиями, встречающимися мне на пути, и с условиями, помогавшими мне, увидят, что пересадка роговицы, поскольку я ее двигал вперед, совершала свои шаги не в виде изящного танца на гладком паркете, а шагала, как и большинство научных проблем, по довольно тернистому пути, который мне приходилось расчищать с большим напряжением воли и мысли... Рождение идеи — явление яркое, нередко подобное вспышке света; но этой вспышке предшествуют, как правило, длительные, многократные напряжения мысли, интереса и внимания. В результате создается то эмоциональное поле, на котором и возникает новая идея, догадка».

Так, наставлял продолжателей своего дела, учеников своей школы Владимир Петрович Филатов. С такими мыслями и настроениями шел он сам на борьбу со слепотой от бельма, против глаукомы и катаракты, атрофии зрительного нерва и отслойки сетчатки, осложненной близорукости и пигментного ретинита.

Ныне филатовская эстафета в надежных руках. Дом, где тридцать лет тому назад для незрячих начал рождаться новый луч надежды, продолжает сегодня излучать благодатный свет.

....Профессор Пучковская оперирует в зале, щедро залитом ярким светом. Через широкие окна хорошо видно безбрежное море, поминутно меняющее свою окраску: синюю, голубую, бирюзовую, золотистую, зеленую. Только в ненастную, штормовую погоду море хмурится и темнеет, становится, что называется, черным.

Надежда Александровна внешне спокойна, невозмутима. Но всем присутствующим понятно, что скрывается за этой невозмутимостью, и сколько нервов стоит оперирующему хирургу его спокойствие. В операционной присутствует, кроме ассистентов и помощников, группа английских окулистов. Перед операцией Надежда Александровна Пучковская подробно рассказала гостям о непроторенных дорогах, по которым, следуя заветам В. П. Филатова, идет институт, о том новом, что непрерывно рождается в его стенах. Об этом она расскажет и в своей книге «В борьбе со слепотой», над которой сейчас работает. Читатель найдет в ней много полезного, а также интересного из личных воспоминаний автора, немало поработавшего рука об руку с покойным Филатовым, а ныне успешно прокладывающего новые пути в офтальмологии. «Мое первое знакомство с Владимиром Петровичем состоялось, когда мне было девять лет,— вспоминает Надежда Александровна.— Мой отец, врач отоларинголог, однажды привел меня к Филатову на прием, и я помню, как «доктор с бородой» внимательно осматривал мои глаза. Тогда, конечно, мне и в голову не могло прийти, что этот доктор будет играть такую важную роль в моей жизни».

После окончания Киевского медицинского института, когда судьба снова свела Пучковскую с Филатовым, первое серьезное знакомство Надежды Александровны с кератопластикой произошло при несколько необычных обстоятельствах. Филатов прооперировал одного слепого и попросил Пучковскую посмотреть прозревающий глаз. Надежда Александровна сначала увидела очень немного: серую радужную оболочку — и не более. Нет, еще, кажется, заметила в белесоватой роговице небольшое прозрачное круглое «окошко» напротив зрачка. Она тогда не могла еще знать, что это «окошко» в мир Филатов распахнул именно в результате успешно проведенной операции по пересадке роговой оболочки глаза.

2 августа 1949 года Владимир Петрович делал уже тысячную операцию по пересадке роговицы. Это был блестящий итог многолетних трудов ученого-офтальмолога.

..Тихо в операционной. Только изредка слышны отрывистые фразы: это Пучковская объясняет гостям нюансы послышной операции, говорит о субтотальной (почти полной), тотальной (полной) пересадках роговицы. Эти операции отличаются от известной филатовской операции частичной сквозной пересадки, которую делают в институте и теперь; за послевоенное двадцатилетие произведено около семи с половиной тысяч операций пересадки роговицы различного вида.

Еще перед войной Филатов заинтересовался бельмами, образующимися в результате ожогов глаз. Это — необычные бельма, трудные и грубые, полностью застилающие глаз и уродующие его, бельма, часто покрытые сверху наростшей рубцовой тканью, густо пронизанные сосудами (в то время как у здоровой, прозрачной роговицы сосудов вовсе нет). Здесь частичная сквозная пересадка не поможет. Нужны более совершенные способы. Филатов занимался ими, но проблематично. Первой предложила и разработала эти сложные операции ученица В. П. Филатова Н. А. Пучковская.

За последнее время, в связи с бурным развитием науки и техники, термохимические ожоги стали страшным бедствием для людей во всем мире. В больницы США, например, ежегодно поступает около 100 тысяч больных с тяжелыми термохимическими ожогами, из них до 10 тысяч умирает. Неприятная статистика. А глаза... Они, пожалуй, больше всего страдают при ожогах. Симблефарон — одно из самых тяжелых заболеваний, возникающее после ожога глаз: сращение век с глазным яблоком. До недавнего времени больные с таким поражением глаз считались совершенно безнадежными. Но, как известно, Филатов никогда не опускал рук ни перед какими заболеваниями. Он-то и поставил перед Пучковской конкрет-

На приеме у профессора Пучковской
Professor N. A. Puchkovskaya giving consultations
Sprechstunde beim Akademiemitglied N. A. Putschkowskaja

ную, хотя и нелегкую задачу: «открыть глаза» людям, потерявшим зрение в результате ожогов.

Но только по окончании войны, возвратясь в Одессу после демобилизации из Советской Армии, где Надежда Александровна возглавляла глазное отделение фронтового госпиталя, она вплотную приступила к этой проблеме, руководя в институте клиническим отделением восстановительной офтальмологии. В 1954 году она написала на эту тему докторскую диссертацию, научным руководителем которой был ака-

демик В. П. Филатов. Талантливая последовательница своего выдающегося учителя детально разработала новый метод оперативного лечения обширных сращений между глазным яблоком и окружающими тканями.

В чем смысл этих операций? Сращения рассекаются, а приросшие к глазу веки затем отделяются от него. Раневая же поверхность глазного яблока и внутренняя поверхность век покрываются тонкими лоскутами слизистой оболочки, взятой с губы больного. Нынешний руководитель отделения восстановительной офтальмологии, старший научный сотрудник института Григорий Васильевич Легеза развил эту мысль, предложив слизистую оболочку для пересадки на обожженный глаз и веки брать не у самого больного, а у трупа, как берут у него роговицу. Как и роговицу, ее можно консервировать на холоде, побуждая к действию таящиеся в ней биогенные стимуляторы. Этот метод — нов и оригинален. Но о нем сегодня в институте не любят много распространяться: ученые продолжают совершенствовать свой метод.

Однако возвратимся к деятельности Пучковской. В новшествах ее, как это бывает всегда, не раз подстерегали трудности. Лишь со временем, после ряда неудач, Пучковской стало ясно, что весьма важным моментом при операции является точное и прочное укрепление лоскутов пересаженной слизистой оболочки, равномерное их прилегание к раневой поверхности глазного яблока и век. Плотно прилегающие лоскуты хорошо приживаются и не сморщиваются.

Больная Мария К. была первой, кому в свое время сделали такую операцию. Дело в том, что с Марией случилась большая беда: ей в глаза попали брызги крепкого раствора щелочи. И у молодой, красивой женщины оба глаза оказались прочно «запаянными» тканями век. Слепота. К чести женщины, она не растерялась и проявила мужество в жизни. Стала членом общества слепых, научилась читать и писать по

Брайлю, приобрела специальность и пошла работать. Но каждого слепого никогда не покидает мечта стать зрячим. Мечтала об этом и Мария, и со временем ее надежды сбылись. Ее оперировала Н. А. Пучковская. Здесь-то и испытала врач-новатор радость удачи и горечь поражения. После того, как между яблоком и веками исчезли сращения и глаз Марии, наконец, был освобожден «из плена» огрубевших тканей, замуровавших его, словно каменной стеной, вдруг... веки завернулись. Возникло новое опасное осложнение, которое трудно было предвидеть: глаз оказался совершенно открытым и стал сохнуть. Больные при этом испытывают мучительные боли от трения сухой слизистой оболочки век о сухую роговицу.

Чем же вызывается такое заворачивание век? Прежде всего, укорочением их внутренней поверхности в результате сокращения, сморщивания пересаженной на больной глаз свежей слизистой оболочки. Чтобы устранить это осложнение, Пучковская предложила делать вторую операцию, при которой веки удлиняются и временно сшиваются.

Такая операция и была сделана Марии. Она прошла успешно, и вскоре Мария К. совсем прозрела.

Много воды утекло с тех пор, много таких операций проделала Надежда Александровна.

Вот и сейчас она уверенно накладывает швы на глаз оперируемого после послепересадки роговой оболочки. Ее руки действуют точно и уверенно. Все! Теперь больной должен видеть. В этом не может быть никаких сомнений.

— Это здорово! — восклицает кто-то из английских гостей.

...По длинному коридору прозревших учат ходить. Не удивляйтесь! Тех, кто обрел зрение, надо многому обучать и, в частности, ходьбе. Ведь человек, даже прозрев, продолжа-

ет ходить на ощупь. Обучать нужно и умению видеть. Часто бывает так: операция прошла успешно, трансплантат прижился достаточно прозрачно. Глаза уже вполне здоровы. Человек стал зрячим, но... не может видеть. А точнее — не умеет. Есть слепота от так называемой амблиопии, то есть от того, что долго скрывавшийся во мраке ночи глаз разучился видеть. Такое бывает обычно у людей, ослепших с раннего детства. Подобных больных нужно учить заново видеть. Это только сказочная Иоланта, нежно и проникновенно воспетая гениальным Чайковским, могла после прозрения (она была слепа от рождения) свободно видеть и различать предметы на земле. В жизни так не бывает. Поэтому в институте, в отделении пересадки роговицы, прозревших больных обучают правильно пользоваться своим зрением. Этим занимается старший научный сотрудник Валентина Петровна Милованова, которая разработала специальную методику для развития зрения на амблиопичных глазах.

Вот больная Мария С., ей 50 лет, она слепа от рождения. Брат Марии тоже с детства был слепой. Его удачно прооперировали, пересадили роговицы — и он прозрел. Тогда и Мария отважилась на операцию. Именно — отважилась! Дело в том, что она не знала другой, зрячей, жизни и не хотела знать, вернее боялась, так как просто не понимала, что ей потом придется делать со своими видящими глазами...

Сначала Марии сделали операцию на правом глазу: пересадили роговицу. Трансплантат остался прозрачным. Спустя два года то же самое проделали и на левом глазу: острота зрения вполне достаточная. Но вот смотреть двумя глазами Мария не научилась, и это ее немного огорчает: увидевший однажды свет — всю жизнь потом тянется к нему, как цветок к солнцу. Доктор Милованова настроена вполне оптимистически и надеется, что в очень скором времени глаза Марии окончательно «примирятся» с окружающим миром.

Глаза! Сколько о них написано, сколько песен и романсов посвящено им! Синие, черные, карие, зеленые, серые, бирюзовые. А вот у узбекской девушки Нуры Пулатовой, прибывшей в Одессу из далекой Ферганской долины, они были совсем необычные: какие-то красные-красные.

Есть такое выражение — «глаза на мокром месте»... «Однако же — не все», — замечает профессор Владимир Евгеньевич Шевалев, бывший старший научный сотрудник филатовского института и ближайший ученик Владимира Петровича, а ныне главный окулист Украинской республики. И справедливо замечает. Не все могут плакать, потому что есть глаза, в которых нет слез, ибо они расположены «на сухом месте». Это очень серьезное и опасное заболевание — ксероз.

В раннем детстве Нура Пулатова перенесла трахому и у нее высохли глаза. С малых лет девочка не знала, что такое слезы. Нура много наплакалась, но без слез — одним сердцем. Но вот она попала в институт имени академика Филатова...

Здесь замечательный хирург В. Е. Шевалев увлажнил девушке глаза с помощью так называемого «стенонового протока», то есть слюнной железы.

Слюна вполне может заменить слезы по своим биохимическим качествам. Эта операция очень сложная, требующая от хирурга исключительного мастерства и находчивости. Но Шевалев, разработавший новый метод лечения глаз от высыхания, блестяще овладел техникой подвода «стенонового протока». И Нура Пулатова впервые за многие-многие годы заплакала. Но это были слезы радости прозревшего человека. Все в институте тогда говорили: «Наша Нура проливает слезы — это очень хорошо».

Чего только не случается в жизни. Вот, к примеру, травмы глаз. Сколько их иногда бывает за один день! Иные оканчиваются благополучно. Но часто наступает слепота. Вот почему в институте открылось новое отделение — травматологи-

ческое, которое возглавляет опытный окулист доктор медицинских наук Зинаида Михайловна Скрипниченко. Находясь в годы войны в действующей Советской Армии, Скрипниченко неутомимо боролась за зрение многих тяжелораненых воинов. Между прочим, недавно один случай снова напомнил ей о войне. Этим «эхом войны» оказался маленький осколок от разрыва гранаты, который в 1943 году попал в глаз трехлетней девочке Галине П., дочери донбасского шахтера. 23 года осколок «блуждал» по глазу; и, наконец, после приезда в Одессу молодая женщина благополучно рассталась с ним. Зинаида Михайловна извлекла осколок после трепанации роговой оболочки.

Немало людей слепнет от отслойки сетчатки глаза. Нужно поставить сетчатку на свое место. Это сложная процедура. Ею занимается кандидат медицинских наук Сергей Владимирович Филатов, сын академика, идущий по стопам отца и возглавляющий в институте специальное отделение по борьбе с отслойкой сетчатки. В этом отделении много сделано по созданию нового прибора с использованием «лазера». Один из его авторов — врач Леонид Андреевич Линник — уже многим больным «припаял» сетчатку глаза на свое место с помощью луча этого прибора. Его экспозиция — одна тысячная доля секунды.

Как говорят специалисты, сила света здесь в десять тысяч раз превосходит вспышку солнца, и глаз, естественно, не должен успеть отреагировать на эту колоссальную световую энергию.

Заглянем на минуту в детское отделение, которым многие

←

Операция началась
Operation has begun
Die Operation hat begonnen

Самые маленькие пациенты института на процедурах
Small ones receive treatment
Heilbehandlung der jüngsten Patienten des Instituts

годы руководит одна из талантливых учениц Филатова — профессор Сусанна Александровна Бархаш. «Сердце обливается кровью, — говорил когда-то Владимир Петрович, — когда приходится видеть людей, ставших инвалидами или слепцами на заре своей жизни...» Глаукома (повышенное глазное давление), катаракта (помутнение хрусталика), косоглазие, близорукость, дальнозоркость, бельмо, амблиопия — все может быть у детей, если вовремя не досмотреть, если не проводить профилактику в раннем возрасте.

Среди окулистов мира издавна сложилось такое мнение, что поскольку дети очень ненадежные и капризные пациенты — могут помешать операции, срывать повязки с глаз и тому подобное, — им, дескать, следует удалять бельма не раньше 14—15-летнего возраста.

Академик Филатов восстал против этой точки зрения: зачем допускать созревание и даже старение бельм, а затем амблиопию — слепоту от неумения видеть? Чем раньше человек избавится от заболевания, тем лучше. Поэтому-то в институте имени Филатова научились оперировать детей в раннем возрасте — даже шестимесячным.

Доктор биологических наук Андрей Евгеньевич Шевалев знакомит нас с работами руководимой им лаборатории физиологии зрения.

К одному из наиболее тяжелых глазных заболеваний относится глаукома. Разработка наиболее эффективных методов лечения этой болезни непосредственно связана с изучением причин, способных приводить к ее развитию. Исследованием этого важного вопроса и занимаются сотрудники институтской лаборатории.

Научные сотрудники разработали методы искусственного вызывания глаукомы у животных. В лаборатории также экспериментально выявлено несколько возможных причин, способствующих развитию глаукомы у человека. Все делается

для того, чтобы разработать в дальнейшем наиболее эффективные методы профилактики и лечения этой болезни.

Великий украинский поэт Тарас Григорьевич Шевченко когда-то записал в своем дневнике: «Я очень люблю смотреть на счастливых людей. По-моему, нет прекраснее, нет усладительнее зрелища, как образ счастливого человека». Станьте у выхода из филатовского института и вы увидите это прекрасное, усладительное зрелище. Тот, кто недавно шел сюда неуверенной, унылой походкой, громко постукивая палкой, — теперь уходит с высоко поднятой головой, твердой поступью и с широко открытыми глазами.

— Оставьте нам на память свою палку, — говорит главный врач института Евдокия Антоновна Будилова, обращаясь к прозревшему. И тот без колебаний расстается со своим деревянным поводырем, долгие и мучительные годы сопровождавшим его. Теперь ему эта палка не нужна. А Евдокия Антоновна, встречающая и провожающая всех незрячих и зрячих, собирает коллекцию палок незрячих, чтобы со временем открыть в институте необычный музей.

Главный врач филатовского института Будилова несколько лет проработала под руководством Владимира Петровича и на всю жизнь запомнила его тезис: «Больного надо любить, ведь он вручает нам свое самое дорогое — зрение». Поэтому она всегда с особой сердечностью относится к многочисленным посетителям института. Да ведь и сама Будилова познала в жизни много трудного. Дочь рабочего, она после окончания медицинского училища несколько лет трудилась в подземном медпункте одной из шахт Донбасса. Тогда еще техника проходки была довольно примитивной. Там Евдокия Антоновна

←
«Мы увидим друг друга!»
“We will see each other.”
“Wir werden einander sehen”

«А теперь откройте глаза!» — говорит кандидат медицинских наук, заведующий отделом сетчатки Сергей Владимирович Филатов (сын В. П. Филатова)

"And now, open your eyes!", says candidate of medical sciences, head of the Retina Department, S. V. Filatov (son of V. P. Filatov)

"Und jetzt öffnen Sie die Augen!" sagt der Kandidat der medizinischen Wissenschaften, Leiter der Netzhautabteilung, Sergej Wladimirowitsch Filatow (der Sohn W. P. Filatows)

прониклась особым чувством к рабочим, терявшим зрение. В глубокой шахте и пришло к Будиловой твердое решение посвятить свою жизнь лечению человеческих глаз. Перед войной она закончила Ростовский медицинский институт и заве-

дывала глазным отделением больницы в шахтерском городе Красный Луч. А затем — фронт... Нередко приходилось оперировать раненых по 18 часов в сутки, да еще под артиллерийским обстрелом. После войны связала Будилова свою судьбу с филатовским институтом. Сейчас она делает много полезного, настойчиво внедряя прогрессивные методы обследования больных. Ей в этом помогает весь коллектив врачей и среднего медперсонала.

Восемь отделений есть в институте. Кроме названных, еще глаукомное, пересадки роговицы, тканевой терапии, онкологическое. Они оборудованы новейшей медицинской аппаратурой — диагностической и лечебной: квантовые фотокоогуляторы («лазеры»), энцефалографы, ретинографы, ультразвуковые и рентгеновские установки и т. п.

Большая армия специалистов-офтальмологов борется за благодатный свет в человеческих глазах, многие из врачей выросли в этом институте, стали кандидатами и докторами наук и сейчас продолжают углублять свои научные поиски. Это, прежде всего, Д. Г. Бушмич, один из ближайших сподвижников В. П. Филатова, ныне заведующий отделением пересадки роговицы. Это — Л. Д. Данчева, А. И. Пахомова, Н. С. Шульгина, Н. И. Шпак, И. Ф. Ковалёв и другие.

А сколько средних медицинских работников, ближайших друзей больных, трудится в городке над Черным морем! Их любовно называют «сестричками»: Мая Калинина, Раиса Пешая, Валентина Стамбульская, Валентина Шкарупко, Надежда Рябуха, Нина Андреева. В амбулансе работает Александра Мирошкина, бывшая слепая, которой в институте вернули зрение и дали возможность успешно окончить медицинское училище...

Мы описали лишь часть того, что делается в стенах глазного института имени В. П. Филатова. Трудно переоценить огромный созидательный труд его коллектива. Всегда,

когда слышишь радостное, от души идущее восклицание больного — «Вижу!» — приходит на память образ прославленного голландского врача Ван-Тульпа, поставившего на своем рабочем столе наполовину сгоревшую свечу с символической надписью: «Света другим — сгораю».

Дать свет всем слепым — вот та благородная мечта, во имя которой самоотверженно трудится талантливый коллектив института имени Филатова. И нет сомнений: не за горами то время, когда эта мечта станет реальностью.

Have you ever played the game of "blind man's buff" when you were small? If you did, then you certainly remember that queer, odd feeling of helplessness and confusion which creeps over a person when his eyes are closely tied. It is a feeling of uncertainty and depression. You are one who can see and suddenly you lose that possibility, for a moment you are terror-stricken. And then, when your eyes are finally unfolded, when they are free again to see everything they want to see, how pleasant it is to observe the beautiful sky, the friends around you, to see everything that is dear to you, your home, and trees, and flowers.

The possibility of seeing is certainly a great fortune. Maybe it is the greatest gift of Nature. Then, what is blindness?... When the great Beethoven, whose whole life was closely connected with the world of music, became deaf, he, in spite of this awful misfortune, still continued to compose. His musical genius did not fade away. But if a painter would lose his eyesight, no matter how talented he would be, he could never continue his work.

The eyes are two windows open to the world, and when they are closely shut, it seems as if one has fallen down into a dark abyss from which there is no escape. This endless darkness binds our will and devastates the soul. If using the language of a surgeon, this darkness covers one's soul with painful scars.

Someone has told a story about one doctor-ophthalmologist, who, wishing to find out the drama of a blind man, decided to bandage his own eyes for a period of a month, so as to penetrate more deeply into the suffering and the mental state of a person deprived of eyesight. Of course, such an experiment was an extremely noble act on the part of the doctor who tried his best to learn the psychological state of a blind man, but, nevertheless, this artificially created situation could never give a real and a full picture of the tragedy.

However we will always bow to the surgical coat of a doctor who is always ready to take on him the sufferings of his patients and to learn the mental tortures of a person who through ill fortune became fully blind. When we think of such doctors they always come to our mind wearing their snow-white smocks, and even so when they are already dead. Thus, it is not incidental that the marble tombstone on Filatov's grave at the Second Cemetery of Odessa has this symbolic surgical coat cut out of white stone.

Filatov died at the age of eighty-one. Nearly sixty years this popular man of our planet dedicated to medical sciences and to the health of people. Through his unceasing efforts eyesight was restored to many thousands of people who at one time or another were fully or partially blind. He had sent the wonderful rays of the sun into the eyes of so many people whose gratitude after recovery no one will ever be able to measure. Vladimir Petrovich Filatov during his life-time published hundreds of scientific papers in the field of ophthalmology.

Filatov made his first practical steps in medicine already at the end of the last century. At that time he was a student of the Medical Department of the Moscow University. During the holidays he used to come to his native Penza Province, where he usually assisted his father, a doctor at one of the local small hospitals. At this time he would help his father in the treatment

Здание амбулатории
Dispensary building
Das Ambulatorium

of his patients. It was actually at this point of his life that he decided he has a calling for medicine.

Ever since this wonderful man carried a flame of love for his patients and dedicated his whole life to one great cause — the restoration of eyesight. Filatov used to say that in those old days the blind man usually approached his doctor with a plea — “Open my eyes!”. But medical science of those days was absolutely helpless and could do nothing even against a wall-eye.

Filatov always taught his students and colleagues to do their

utmost for the patients even if they did not sympathise with this or that person, as it was their doctor's duty. He used to say: "There are no such illnesses which cannot be cured but there are illnesses which we do not know how to treat to-day." "All means of science should be put at the disposal of doctors for the sake of fighting diseases!" "We should never retreat and should always fight until full victory is attained". "Fantasy is not a humiliating word, but in order to put one's dream or idea through, in order to achieve precise scientific results, it is not enough to have just a dream; even brains, knowledge, and persistence are not enough; but what is really necessary in this case—that's to be seethed with a furious and an all-absorbing passion." "Pessimism at the bed of a sick person or in science is fruitless and will never have a future". Such were the mottoes of this wonderful man.

When we visit to-day the Filatov Institute Clinic of Eye Diseases and Tissue Therapy, this world-famous establishment which brings the rays of the sun to its patients, we can't help recalling the name of its founder, the man who laid the foundation of Soviet ophthalmology and brought it world fame.

The study in which V. P. Filatov, the member of the Soviet Academy of Medical Sciences, used to work, was turned into a museum. Here everything was left in the same state as it was until the 30th of October, 1956, when the great scientist died. On his desk we will find the ink-stand and books which were used by Filatov during the last days of his life. Under a glass-cover we will see a table-calendar with the date of the 30th of October, 1956, and on the wall a clock which always shows 7 o'clock, the hour of death. In the corner right next to the entrance into the study-room we shall see a snow-white surgical coat of the man who fought all his life against blindness. It somehow thinks that Filatov is out for only a while and that soon he will return to put on again his white coat and bino-

cular and will again gently ask his patient: "Well, what's wrong with your eyes?"

Next to the study and the "dark-room", which were used by the scientist, to-day we find the numerous exhibits of the museum which are tenderly looked after by the wife of the scientist — Master of Medical Sciences, Varvara Vasil'yevna Skorodinskaya, who till this day is working at the Institute.

Among the glorious achievements left by the founder of the Institute for Soviet medical science are not only the numerous human eyes which received sight again but the wonderful Filatov Medical School which not only accumulated the scientific heritage of the past but continues to develop new methods of treatment. So as to get a more vivid picture of the future developments we should give a short summary of what was done already. Among the activities of Vladimir Filatov we see a harmonious union of a scientist, a painter, and a poet. Yes, he was also a painter and a poet! Filatov was really a man of many talents. He read a lot and saw a lot. He was a connoisseur of literature, art and poetry. This grey-bearded scientist who always seemed reserved and severe when he was at his job, was really always extremely kind and attentive to people and always in love with the beauties of Nature.

"My birthplace may be defined by means of eight words: Mikhailovka Village, Protasov District, Saransk Region, Penza Province,— wrote Filatov in his memoirs". A long, wooden, one-storeyed grey house with an iron green roof, with a huge garden full of berries and cherry-trees, and a terrace, all covered with roses. This was my home. In spring we were getting filled with the juices of life together with the green leaves of the birch-trees and the fragrant buds of the poplars, together with the white and rosy flowers of the apple- and cherry-trees and the numerous flowers surrounding us. We used to drink the juice of the birch-trees and listen to the singing

of nightingales and robins, and admired the golden orioles... Nature! How many a time have you taken my soul into your hands, embracing me in the minutes of childish joy. And how many a time have you caressed me when I became old and in my hours of torture and grief. I bless you, my native Nature, for having fed me with your clear juice of beauty!... I think I was right when I decided to dedicate my life to medicine, but what would I do if I were left alone with science without the arts. Painting and poetry seemed to be a stimulating factor in my scientific work, and I don't know how would I do without them. Very often I would work on my different scientific problems giving them visual images."

For a person so much in love with the beauties of Nature it was not difficult to understand what loss it would be for any one who would be deprived of the possibility of seeing and enjoying everything that is around him. Ill fate had robbed the blind man of this great happiness. This happiness should be returned to him. Those who are deprived of eyesight always hope that their doctor will restore it for them and they again will see the sun and the beauties of the Earth.

One of the most awful tragedies — the wall-eye, this cicatrice of the eye cornea. The main struggle of Academician Filatov was to penetrate through this screen which was firmly closing the light from the pupil of the eye. Finally, a means was found for transplantation of the eye cornea, but one of the great difficulties in this line was to find how could the transplanted tissue get used to its new condition.

The problem was solved by an operation which consisted in cutting out a disk of 3- or 4-mm diameter in the wall-eye and transplanting here a similar disk of transparent eye cornea from another person. The oculists considered, of course, that it would be better to transplant the eye cornea of a live person, but Filatov said no. And he proved that the transplantation of the

Кабинет-музей В. П. Филатова

Consulting-room of V. P. Filatov is now a museum

Kabinett-Museum von W. P. Filatow

eye cornea from a corpse is better and that the tissue in this case gets better accustomed to the new place. The eye cornea taken from a dead person and kept in a refrigerated condition at a temperature of about $+3$ or $+4^{\circ}\text{C}$ gives a better effect and even stimulates the clearing of the surrounding wall-eye, sometimes this process progresses so intensively that it eventually brings about the total disappearance of the wall-eye.

Then, where is the secret? Well, it so happens that when a piece of living tissue is cut away from its original place, it immediately starts fighting for its survival, and, when being put into conditions still worse, such as in the refrigerating chamber, its struggle for survival becomes even more intensive. If after all these utter changes the tissue is not killed, then its intensive struggle for survival brings about in its turn a change in activity of the cells, which begin forming protective substances to keep alive the out-away tissue. These substances are in some way stimulating the processes of life by their biochemical reactions. For this reason Filatov called them "biogenetic stimulators". Thus a new method in medical practice was born — the method of tissue therapy. This new method in medical practice has paved a whole way from Murmansk to Yerevan, from Sakhalin to Riga and far beyond the boundaries of the Soviet Union. In Japan, for example, two research institutes were organized for the study of tissue therapy. Several years ago in an article published in the magazine connected with ophthalmology in U.S.A. the author wrote: "A great impulse in the field of tissue therapy was given by wonderful researches of the Russians. The followers of Filatov have opened an utterly new phase in medicine nearly as striking in approach and as grand in scale as the historic contribution to science made by Pasteur and Lister".

The method of preserving eyes taken from corpses as proposed by Filatov is now used on a world-wide scale. "Where

death comes, life begins," is Filatov's main idea." That's how the Rumanian Academy of Sciences characterises the numerous successes of Soviet ophthalmologists.

Of course, there were sceptics and people of little faith who did not believe in this method of treatment at the beginning and even now there may be people of that sort, people who are so limited that they cannot understand to this day the great role that the biogenetic stimulators play in the processes of treatment. Nevertheless, Filatov knew how to treat his opponents when he said: "Tissue therapy is quite in conformity with the existing attitude in Russian medical science as to the leading and decisive role of the patient's organism and its reactions to any illness which was so well proved by such great Russian scientists as S. P. Botkin, I. M. Sechenov and I. P. Pavlov. We know that, according to Academician Pavlov's doctrine, the nervous system takes part in every process of a human organism, and especially in its most important departments. The nervous system during a treatment by means of biogenetic stimulators plays no lesser role than during a treatment by any other means.

Having made a great discovery, Filatov had also put it into practice, by finding the material necessary for the transplantation of the eye cornea. At present the use of eyes from the dead people has been completely legalized in the Soviet Union. Now any doctor in the Soviet Union who performs operations on transplantations of the eye cornea may easily get the material necessary for such operations, no matter in which town of the country he performs the operation. The legalization of this procedure has proved to be extremely beneficial as now every material used for such transplantations undergoes thorough laboratory analyses.

Every one knows to-day that medical treatment in the Soviet Union is completely free of any charge. Such a thing as

a doctor's or a hospital's bill is not known to any of the Soviet citizens. Similar is the case, of course, with the Filatov's Clinic and Institute, where thousands and thousands of people get their treatment. Figures about the work of this wonderful clinic and research institute speak for themselves. Thus, from the days of its foundation in 1936 the Filatov Clinic had treated over two million people. During a period of ten last years (1956—1966) about one million people received treatment here. During the same period at least 40,000 people were treated in the Institute's hospital, which at present has 450 beds, whereas before the last war it had only $\frac{1}{3}$ of that number.

If you will visit the clinic you will find people undergoing treatment there from all parts of the vast territory of the Soviet Union, people who came here from the most remote villages and regions. You will find here people from many foreign lands as well. The Filatov Clinic has become a world centre for the treatment of eye diseases. You may come across both peasants and factory workers, you may find here executives and government people, they come from socialist states as well as from England, Italy, United Arab Republic, Syria, Pakistan, Argentina and from many other countries of the world. They all want to see and the wonderful doctors of the clinic are always doing their utmost to give them light, they surround their patients with care and love.

Hasan Sabhi, a doctor from Egypt, who stayed here for a period of 40 days and was cured finally, called this clinic — "The Institute of Light". He also said: "I will never forget the day when I saw the first rays of light, which are so dear to me..."

A great number of letters comes to the Institute daily. They are either inquiries or requests to give consultations. Many of them are expressions of sincere gratitude to those who work

here. The specialists of this institute are in constant correspondence with scientists of at least 60 countries.

Many specialists from all the continents come here to gain experience. Thus, in 1964 an International Symposium was held in Odessa dealing with questions of cerato-plastic surgery, in which scientists of 13 countries took their part. The Filatov Institute was also visited by a big group of ophthalmologists from London and some other cities of England. In her turn the present Director of the Institute, Hero of Socialist Labour, Professor Nadezhda Aleksandrovna Puchkovskaya visited England, where she was passing her great experience to the leading oculists of Great Britain.

Another specialist of the institute, T. U. Gorghiladze, stayed in Iraq for over a month lecturing on tissue therapy to Arab doctors. In their turn the oculists of Bagdad, — Subkhi Ibraghim Munib, Abdul Ganni Zalzala, Mudgafar Ibraghim Al-Sadyr paid a visit to Odessa.

— Zeen! Khorosho! Good!, — exclaimed the Arabs when they got acquainted with the work of the famous Institute, — the ALOE medicine, as prepared by Filatov Institute, is one of the most popular medicines in Iraq....

And again, for how many a time, the foreign guests were extremely surprised at existence of free treatment in the U.S.S.R.

— Well, that's one of many achievements of our revolution, — was a simple answer of Yevdokiya Antonovna Budilova, the Head Doctor of the Institute, — this achievement became beneficial not only to the patients and the ill but to us doctors as well, because it gives us the possibility of keeping the sick person within the hospital as long as it is necessary for his full recovery: sometimes even for several months. We have the right to recall our former patients for additional investigations or for further treatment if there is

such a necessity. All this greatly contributes to the people's health.

The representatives of the foreign press have repeatedly noted that free medical treatment in the U.S.S.R. if taken only from purely medical aspect is the most progressive form as it affords unusual opportunities and possibilities for the doctors.

Nearly every foreigner visiting our country on coming to the Filatov Institute usually asks whether there is an "Eye Bank" in the U.S.S.R. for preserving and delivery of tissues which may be used for transplantation purposes in different hospitals. It is well known that such a bank was founded in the U.S.A. Any one who might need a cerato-plastic operation may get the material necessary at this "bank" for a big sum of money. But what must a person do, if he does not possess the amount needed?

The "United Press" News Agency once informed its readers that a certain man from Necks-City being in need of an eye operation decided to buy an eye from one young woman who was a mother of three children. This woman made the following statement: "My husband is a hard-working person but his pay is not sufficient for the family. I was thinking over this plan for a period of three years. My kids are worth the risk and my husband has also given consent". Soon after this poor woman got a letter from another fellow-citizen, who wrote: "If you have more offers than for just one eye then please let me know, as I am just in a similar position and am ready to sell my eye too".

Arthur Aidinian, who was repatriated from Greece with a group of Armenians, being a half-blind singer, when offered to undergo treatment at the Filatov Institute he refused saying that he would not have the money to see with both eyes. When it was explained to him that in this country people

Don't pay money for medical treatment, he became so happy that started singing right in the hall of the institute. All the members of the staff who were present at that moment, including Filatov himself, enjoyed his wonderful singing as it came right from the bottom of the heart. Two years later Filatov was present at one of the concerts at the local Opera given by his former patient — Arthur Aidinian. When Aidinian came to the stage and saw his famous doctor sitting in the first row, he put his hands on the heart and bowed to his saviour all smiling. And possibly Filatov thought at this moment that if all would look at the world with eyes of happiness then everything would be fine.

"I think that my students who came to know my thoughts and dreams connected with the transplantation of the eye cornea, who have learned my joys and disappointments, having understood the numerous obstacles on this way, having learned the conditions which were helping me, will see that the job of putting the transplantation of the eye cornea into practice did not look like an easy dance on a smooth floor but its progress as most of the scientific problems was very much like climbing up an abrupt mountain where I constantly had to clear the way with a great strain of my will, power and thought... The birth of an idea is much similar to a flash of light, but before it comes one strains his brain, his interests and attention. As result of all this a field of emotion is formed upon which a new idea is formed and conjectures appear." Such was the admonition of Filatov to his followers. With such thoughts he constantly struggled against all forms of blindness, against the wall-eye, against the glaucoma and the cataracts, against the atrophy of the optic nerve and exfoliation of the retina, against complex myopia and pigmental retinitis.

Successors and followers of Filatov have not only con-

tinued the work of their wonderful teacher but have turned their clinic from a home of hope into a grand house of beautiful light.

...Professor Puchkovskaya operates in a room which is always full of light. This operation room is facing the bluish waters of the Black Sea. Though she looks extremely calm during her operations but every one knows what nerves are necessary to keep oneself in such conditions. Besides the assistants, to-day we also see a group of English oculists. They have come to gain experience and to get acquainted with the novelties of the institute. Nadezhda Aleksandrovna Puchkovskaya always willingly passes her knowledge and informs the guests about everything that is new in the researches of the Institute. She gives a lot of valuable information in her book, "In the Struggle Against Blindness". The reader of this book will also learn about personal recollections of the author, about her work with the late Filatov. — "My first acquaintance with Vladimir Petrovich Filatov took place when I was only nine. My father, who was also a doctor, once took me to Filatov, and I remember how attentively the "doctor with the beard" examined my eyes. At that time, of course, I could never suppose that this doctor would play such an important role in my life."

After graduating from the Kiev Medical Institute, when fate again brought Puchkovskaya and Filatov together, this time Filatov, after making an operation, asked Puchkovskaya to have a look at the eye of the man who was recovering his sight. She did not see much at first, except just a small round "window" in the cornea opposite the pupil of the eye. At that time she could not know that this was a "window" into the world which Filatov opened in result of successful transplantation of the eye cornea.

On the 2nd of August, 1949, Filatov made his thousandth

Игра на пиано прекрасно тренирует пальцы хирурга
Playing the piano is a good exercise for surgeon's fingers
Klavierspiel ist ein ausgezeichnetes Training für die Finger
eines Chirurgen

operation of transplantation of the eye cornea. This was certainly a brilliant achievement of the learned ophthalmologist, a result of his enormous efforts of many years standing.

...It is extremely quiet in the operating-room. Only sometimes we may hear the voice of Puchkovskaya, who is explaining at this moment to her British colleagues the secrets of fractional layer operation, she tells about partial and complete transplantation of the eye cornea. These operations substantially differ from those carried out by Filatov, though his type of operations on partial through transplantations are being carried out too at present. During the twenty post-war years the total amount of various operations with transplantation of the eye cornea reached some 7500 cases.

Before World War II Filatov had got interested in the problem of the wall-eye which is formed as result of burns and scalds. These wall-eyes are unusual. They are difficult and rough, they cover the eye completely and make the face ugly. Often such wall-eyes are additionally covered by cicatrized tissues, which are all pierced by blood-vessels whereas a healthy cornea is transparent and has no vessels at all. In this case a partial through transplantation will be of no effect. New means are necessary in such cases. Filatov studied them, but only problematically. His student, Puchkovskaya, was actually the first to solve this complex problem and the first to perform such complicated operations.

During last years, with rapid development of sciences and industries, thermo-chemical burns of the eyes have become a real calamity for people throughout the world. Thus, in the U.S.A. during one year only about a hundred thousand people get thermo-chemical burns. Such statistics is extremely unpleasant to learn. And the eyes... They probably suffer the most from such burns. One of the most serious complications after burns is the inosculation of the eyelid with the eyeball. But, as

it is well known, Filatov never gave up before any disease of the eyes, so he asked Puchkovskaya to solve this extremely difficult problem and "to open the eyes" for those who were blinded because of burns.

But Puchkovskaya started to work on this complex problem only after World War II during which she was heading the Eye Department of one of the front-line hospitals. After being demobilized, she returned to the Filatov Institute where she headed at first the clinical department of restoration ophthalmology. In 1954 she received her doctor's degree. In this work she was guided by no other than Filatov himself. Being an extremely talented follower of her famous teacher she, worked out in detail an entirely new method of operating on extensive inosculation between the eyeball and the surrounding tissues.

How are these operations performed? The inosculation is cut thus separating the eyelid from the eye. The wounded surface of the eyeball and the inner surface of the eyelid are covered by thin patches of mucous membrane taken from the lip of the patient. The present head of the clinical department of restoration ophthalmology, doctor Grigori Vassiliyevich Legheza, a retired army major, went even farther in deciding this intricate problem. He proposed to take the mucous membrane not from the lip of the patient but from the lip of a corpse as being practiced in the cases of transplantation of the eye cornea. Just as the cornea, the mucous membrane may be well preserved in cold thus stimulating the work of biogenetic stimulators which are hidden in it. This method is new, original and courageous. But people of the institute don't like to talk about it, as the problem has not been solved completely to the last details.

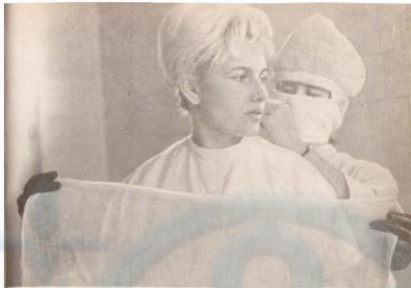
But let's return now to the activities of Puchkovskaya, the Institute's present head. She, as Filatov, had her ups and downs in the field of research, her way to science was not

an even road strewn with roses either. After a number of failures it became clear to her that one of the most important factors in these operations is to have the patches of mucous membrane exact and firmly fixed into the wounded part both of the eyelid and the eyeball. The patches which are firmly fixed get well accustomed to their new place and then they don't shrink either.

Maria K. was the first patient on whom such an operation was carried out. A strong solution of alkali got into her eyes, such was the awful misfortune of this young and beautiful woman. Both eyes were firmly "sealed" by tissues of the eyelids. To the honour of this woman we should say that, having become blind, she did not lose heart and withstood her misfortune with great courage. She became a member of the Society of the Blind, she learned to write and read according to the Braille system, got a new profession and even went to work. But every blind person always hopes to see again one day. So it was with Maria, and her hopes came true.

Puchkovskaya operated Maria K. and with her she knew the joy of success and the bitterness of failure. When the inosculation between the eyes and the eyelids disappeared and when Maria's eye was liberated "from the prison" of coarse tissues, suddenly... the eyelids folder up. A new difficult situation sprang up, a situation which was hard to foresee. The eye became completely open and started drying up. Those sick with such a disorder are constantly tortured by awful pains due to friction of the dry mucous membrane of the eyelid against the dry cornea. As result of such abnormal friction there may appear ulcers and sores which in their turn may lead to another inosculation of the eyelid with the eyeball, just like after a burn.

What brings about the folding up of the eyelids? This happens, first of all, through the shortening of the eyelids' surfa-

Перед операцией
Before an operation
Vor der Operation

ce in result of wrinkling of the newly transplanted mucous membrane on the sick eye. To eliminate the complication, Puchkovskaya proposed an additional operation consisting in temporary suturing of grafted eyelids. Such an operation was successfully tried on Maria K. and soon she saw the light with both eyes.

Many years had passed since that operation and many such operations were carried out by Puchkovskaya, and to-day she is performing a similar operation. Her hands are firm and their movements are exact. The operation is over! Soon the

blindman will see again. There can be no doubt in this.

— It is a marvel,— says one of the English doctors, who is present at the operation.

Along the long corridor we see people whose eyesight was restored, and now they are learning to walk. Don't be surprised! Those who were blind were accustomed to walk with caution, a walk which is so typical for any blindman has to be overcome now. There are cases when the operation was fully successful, the eyes are completely healed, the eyesight is restored, and yet... the person does not see. To be exact, the person does not know how to see, how to make use of his eyes. This is a blindness from amblyopia, a blindness from impaired vision. This is usually the case with people who lost their eyesight from early childhood. Such patients undergo a special treatment with which they learn to see, learn to use their eyes. Only fantastic Yolanta from the opera by Chai-kovski could see at once. But in real life such things don't happen. For that reason the Institute has a special department specializing in this line. Valentina Petrovna Milovanova is the head of this department. She worked out a special method of treatment to develop vision for those who suffered from amblyopia.

Well, here is Maria S. She is 50. She was blind from her birth. Her brother was blind from childhood, too. After a successful operation on both eyes he began to see. Then Maria consented to an operation too. At first, she did not want to hear about it as she never knew what is to see, what is vision. She never knew any other life, except the life in total darkness of the night, and she did not want to know any other life, she was afraid that she would not know what to do with her seeing eyes!

At first her right eye was operated: the cornea was transplanted. The tissue remained transparent. Two years later the

same thing was done with the left eye: the keenness of vision was quite sufficient. But, nevertheless, she has not learned yet to use the vision of two eyes simultaneously. This upsets her, as any person who saw the light once, will always look after it as a flower goes after the sun. But Doctor Milovanova is not upset, she is very optimistic, she is sure that Maria's eyes will soon get accustomed to the surrounding world.

Eyes! How many songs are dedicated to them! Blue, black, brown, green, grey, sky-blue. But Nura Pulatova from the Uzbek Republic has red eyes. She came to Odessa from distant Fergana, her eyes are really red. We know that eyes do get reddish from tears, but sometimes this happens for another reason, as professor Shevalyev rightly puts it. The reason may be, for example, in xerosis or drying up of the eyes.

In early childhood Nura Pulatova suffered from trachoma and eventually her eyes had dried up. She never knew what are tears; though she cried a lot, she suffered without tears, only with her heart. Finally she came to the Filatov Institute.

Here works an experienced surgeon on cataracts and squints. That's V. E. Shevalyev. He moistened her eyes by means of an extremely complex operation consisting in joining the lachrymal duct with the mouth's saliva. And soon Nura began to cry, but these tears were tears of joy, and not only for Nura but for her saviours as well.

Many things may happen in one's life. One of the misfortunes of man is the trauma of eyes. You would be surprised to learn how many such cases take place just during one day! Some of them leave no consequences but others end up in blindness. So it was for this reason that the Institute had opened a new department dealing with all types of trauma. An experienced oculist, Doctor of Medical Sciences, Zinaida Mikhailovna Skripnichenko is the head of this department. During the last war Skripnichenko was an army doctor and

she fought constantly for the eyesight of the wounded soldiers. One of the numerous "echoes" of World War II was an operation on the eye of a woman who in 1943, at the age of three, was wounded in the eye by a piece of a shell, which was "travelling" within the woman's eye for 23 years until finally it was taken out. Doctor Skripnichenko extracted that tiny piece of a shell by means of trepanation of the cornea.

Serghei Vladimirovich Filatov, son of the founder of this institute, is heading the department which deals with problems of exfoliation of the retina. He is being constantly assisted by different technical experts. Thus, Doctor L. A. Linnik has constructed a special optical apparatus — the "lazer" — with the unusual rays of which the exfoliated retina is "sealed" back to its proper place.

Experts state that a packet of lazer rays exceeds the intensity of a solar flash in ten thousand times. Quite naturally, we mustn't afford the eye to response this colossal energy of light. So the apparatus operates in a 1/1000th of a second.

Let's peep into the children's department, the head of which for many years is Professor Sussanna Aleksandrovna Barkhash.

— My heart starts bleeding when I see children who have become invalids or even blind from early childhood, — V. Filatov used to say. Yes, it's awful to see children suffering, and

←
«Лечение идет нормально», — говорит руководитель отделения восстановительной офтальмологии, старший научный сотрудник института Григорий Васильевич Легеза

"The treatment goes on normally", says G. V. Legheza, the head of the Restoring Ophthalmological Department, chief scientific worker of the Institute.

"Die Heilung verläuft normal", sagt der Abteilungsleiter der wiederherstellenden Ophthalmologie, ältester wissenschaftlicher Mitarbeiter des Instituts, Grigorij Wassiljewitsch Legesa

they may suffer from many diseases of the eyes, if things are overlooked, if measures are not taken in time.

Most of the oculists throughout the world consider that operations on the eyes of the children earlier than at the age of 14 or 15 are actually hopeless as they may easily hamper the process of the operation, they don't possess the patience necessary and at any time they may tear off the bandages, and what not. Filatov opposed this concept, stating that the sooner a child gets rid of his troubles, the better, as in many cases delay may prove to be fatal. For this reason the surgeons of the institute learned to operate on children at any age and there were already operations on children even at the age of only six months.

Andrei Evgenyevich Shevalyev, Doctor of biology, is leading researches in the Institute laboratory of physiology of vision.

There they investigate glaucoma which is rightfully respected one of the severest eye disorders. "If we certainly knew all the circumstances prompting the origin of glaucoma, Shevalyev notes, this would undoubtedly contribute to effectiveness of measures against it". Taking this in account, a group of his collaborators worked out certain methods of provoking glaucoma to animals. In such way several possible conditions of development of glaucoma on the human eye were found

Заведующая травматологическим отделением, доктор медицинских наук З. М. Скрипченко рассматривает извлеченный из глаза больного осколок

The head of the Traumatological Department, doctor of medicine, Z. M. Skripnichenko examines a splinter extracted from the patient's eye

Die Leiterin der traumatologischen Abteilung, Doktor der medizinischen Wissenschaften, S. M. Skripnitschenko betrachtet einen aus dem Auge des Kranken entfernten Splitter

out. This would give further possibility to devise some more effective methods of prevention and treatment of the disease.

The great Ukrainian poet, Tarass Grigoriyevich Shevchenko, once wrote in his diary: "I like extremely to see happy people. I think there can be no better sight, than the sight of a happy person". If you want to see the faces of happy people, then you should have a look at those who leave the doors of the Institute. Those who once came here with a walking stick and a sad look on the face, now leave the clinic with eyes wide open which glitter with happiness.

— Leave the stick, please, — usually says E. A. Budilova, the chief doctor, to those whose sight has been restored. And they leave them without hesitation, with smiles on their faces. Yes, the walking-stick is of no use any more and Doctor Budilova takes them for her unusual collection.

Doctor Budilova, the chief doctor of the Institute, for several years worked under the guidance of V. Filatov and she could never forget the wonderful words of her teacher who used to say: "You must love the sick person, as he hands to us his eyesight, the most valuable possession of any human being". So it is not without reason that she is always so attentive to every one who comes to the Institute. And it is not surprising for another reason, since she experienced a lot of hardships in her own life. Being the daughter of a common worker, after graduating from a medical school, for several years she worked at one of the mines in the Donbass Coal Region. For several years she worked underground taking care

←
Главный врач института Е. А. Будилова и врач Л. А. Линник у оптического квантового генератора-лазера

The head physician of the Institute E. A. Budilova and Dr. Linnik near an optical quantum generator — laser

Chefarzt des Instituts E. A. Budilowa und der Arzt L. A. Linnik am Laserapparat

of the eyes of the miners. The mining equipment in those days was not of a high standard and she was a constant witness how the miners suffered from coal dust. It was then that she really decided to make medicine the soul of her life, to dedicate every effort to restoring of sight to people and to fight for its preservation. Before World War II she graduated from the Rostov Medical College and then worked as a head of the eyes' department of a hospital at the mining town of Krasnyi Luch. And then the front-line, where she had to work non-stop for 18 hours a day, and all this under enemy's artillery fire. After the war she started working at the Filatov Institute, where she is doing her best to introduce progressive methods of examining the patients.

The Institute at present has eight departments; besides the already mentioned — departments dealing with glaucoma, transplantation of the eye cornea, tissue therapy, TB of the eye, department of oncology. Every department is equipped with the most up-to-date apparatuses and modern appliances.

A great army of doctors — ophthalmologists are working here. They are constantly fighting for their great cause — to give the rays of the sun to every human being. Many of the doctors received their scientific degrees here. Many of them became either Masters or Doctors of Medical Sciences. Many of the doctors are working on their research problems. Among them are: D. G. Bushmich, D. D. Danchyeva, A. I. Pakhomova, N. I. Shpak and many others.

A whole army of nurses cater for the needs of their patients. Among them we should mention M. Kalinina, R. Pyeshaya, Valentina Stambultzyan, Valentina Shkarupko, Nadezhda Ryabukha, Nina Andreyeva and many others. Alexandra Miroshkina was once blind herself, but after recovery she stayed here to work. She managed to graduate from a medical school while working for the Institute.

We have only given a short account of what is being done at the Filatov Institute. In reality the scope of work is much greater and diverse. Whenever we hear the wonderful words, the wonderful cry — "I see...", we can't help remembering the saying of the famous Dutch doctor, Van Tulp, who had put up a candle on his desk with a symbolic inscription:

"Giving light to others — I die"

To give light to every human being is the great and noble cause of wonderful people working at the Filatov Institute. There can be no doubt that one day this great goal will be achieved.

Haben Sie mal als Kind Pfänder gespielt? Wenn das der Fall war, so erinnern Sie sich sicher an jenes seltsame, man kann wohl sagen, quälend hilflose und irre Gefühl, das einen Menschen mit verbundenen Augen befällt. Ein Gefühl von Unsicherheit, das an Depression grenzt. Sie, ein sehender Mensch, sehen plötzlich nichts. Und davon wird Ihnen schrecklich zumute. Aber dann, wenn man endlich die dunkle Binde abnimmt, die Sie von der nahen und verständlichen real sichtbaren Welt trennte — wie angenehm ist es, wieder die Umgebung zu erblicken: nahe Freunde, den Himmel, die Erde, die Blumen und Häuser!

Die Möglichkeit zu sehen ist ein ungeheures Glück. Wohl die größte Gabe der Natur auf dieser Erde. Was aber ist dann die Blindheit?... Als der große Komponist und Musikant Beethoven, dessen ganzes Leben mit der Welt der Töne verbunden war, sein Gehör verlor, setzte er seine schöpferische Tätigkeit ungeachtet dieses schrecklichen Unglücks fort. Sein musikalisches Genie erlosch nicht. Sollte aber ein Maler sein Augenlicht verlieren, so könnte er keine Bilder mehr malen, wie hervorragend sein Talent auch sein möge.

Die Augen sind unsere Fenster in die Welt. Und wenn sie fest geschlossen sind, so scheint es dem Menschen, daß er in einen schwarzen Abgrund geraten ist. Die ausweglose Fin-

sternis hemmt den Willen, verwüstet die Seele. Nein, sie verwüstet sie nicht nur, sondern, um es in der Sprache der Chirurgen zu sagen, bedeckt sie mit großen schmerzhaften Narben.

Man erzählt, daß einmal ein Augenarzt künstlich "erblindete", indem er sich die Augen mit einer lichtdichten Binde zuband, um so im Laufe eines Monats das innere Drama eines Blinden tiefer zu erfassen. Das konnte aber natürlich kein Prüfstein sein, weil das Bewußtsein eines Sehenden, daß er nur ein freiwilliges Experiment an sich selbst und nichts weiter macht, neun Zehntel jener furchtbaren psychischen Qualen aufhebt, die einen wahren Blinden heimsuchen, den ein böses Schicksal seines Augenlichtes beraubt hat.

Wie dem auch sei, schon allein, daß es so'che Ärzte gibt, die, um gründlicher den Seelenzustand ihrer Kranken kennenzulernen, seine Leiden auf sich selbst übertragen, macht ihnen Ehre und bewegt uns dazu, sich immer ehrfürchtig vor dem Menschen im weißen Kittel zu erheben. Und es ist kein Zufall, daß auf dem Grabe von Filatow auf dem zweiten städtischen Friedhof zu Odessa auf einer schwarzen Marmortafel ein Ärztekittel aus weißem Stein ausgehauen ist.

Einundachtzig Jahre lebte dieser auf unserer Erde höchstberühmte Mann. Fast sechzig dieser Jahre widmete er der edlen Sache der Nächstenhilfe. Tausende von Blinden verdanken ihm ihre Genesung. Tausende von Augen erblickten dank seiner Hilfe wieder die segensreichen Lichtstrahlen. Hunderte von wissenschaftlichen Arbeiten über die Augenheilkunde veröffentlichte Wladimir Petrowitsch.

Die Bekanntschaft Filatows mit der medizinischen Praxis begann noch Ende des vorigen Jahrhunderts. Schon als Student der medizinischen Fakultät der Moskauer Universität kam er in seiner Ferienzeit nach Hause in das Pensaer Gouvernement und half seinem Vater, einem Landarzt, in einem kleinen Krankenhaus die Kranken zu behandeln.

Eben dann entflamte in seinem Herzen die Berufung zur Medizin, die Liebe zum Kranken und ein großer Wunsch, menschliche Leiden zu lindern. In jener Zeit, erinnert sich Filatow, wandten sich Hunderte von Blinden an die Ärzte mit der flehentlichen Bitte: "Öffnet uns die Augen!" Die Medizin jedoch stand gänzlich hilflos sogar dem gewöhnlichen Augenster gegenüber.

Zur Grundlage seiner Tätigkeit machte Filatow das Prinzip: "Alles auf sich selbst übertragen", sich in die Lage des Leidenden zu versetzen. Wenn der Arzt, so betont Wladimir Petrowitsch, auch keine besondere Zuneigung zum Kranken fühlt, so muß er als Minimum ein hochentwickeltes Pflichtgefühl besitzen. Hier wurden die berühmten Aussprüche Filatows geboren: "Es gibt keine unheilbaren Krankheiten. Es gibt nur solche Krankheiten, die wir heute noch nicht zu heilen verstehen." "Alle Mittel der Wissenschaft für die Heilung des Kranken! Niemals die Hände sinken lassen und kämpfen bis zuletzt." "Die Phantasie ist kein erniedrigendes Wort. Aber um eine Idee zu begründen, einen exakten wissenschaftlichen Erfolg zu erreichen, genügt nicht die Phantasie allein, es genügen sogar nicht der Verstand, das Wissen, die Beharrlichkeit: eine ungestüme, verzehrende Leidenschaft ist notwendig." "Der Pessimismus am Krankenbett und in der Wissenschaft ist fruchtlos, und ihm gehört die Zukunft nicht."

Wenn wir heute das Odessaer Filatowinstitut für Augenkrankheiten und Gewebetherapie besuchen — diese weltberühmte kleine wissenschaftliche Stadt, in der das Licht erstet — so gedenken wir stets dessen, der den Grundstein zur sowjetischen Augenheilkunde gelegt und ihr zum Weltruf verholten hat.

Das Kabinett, wo einst das Akademiemitglied W. P. Filatow gearbeitet hat, ist jetzt in ein Museum umgewandelt. Hier ist alles so erhalten geblieben, wie es am 30. Oktober

В ЦЬОМУ БУДИНКУ В 1939-1956 РОКАХ
ПРАЦЮВАВ ГЕРОЙ СОЦІАЛІСТИЧНОЇ ПРАЦІ
АКАДЕМІК ВОЛОДИМИР ПЕТРОВИЧ

ФІЛАТОВ

ОРГАНІЗАТОР І БЕЗЗМІННИЙ КЕРІВНИК
УКРАЇНСЬКОГО НАУКОВО-ДОСЛІДНОГО
ЕКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ІНСТИТУТУ
ОЧНИХ ХВОРОБ І ТКАНИННОЇ ТЕРАПІЇ
ІМЕНІ АКАДЕМІКА

В. П. ФІЛАТОВА

Меморіальна дошка на головному лікувальному корпусі
Memorial plaque on main building
Denktafel am Hauptgebäude

1956 — dem Todestag des Gelehrten — war, hier verlief seine rastlose Tätigkeit. Auf dem Schreibtisch steht das Tintenfaß, liegen die Bücher, deren sich Wladimir Petrowitsch in den letzten Tagen seines Lebens bediente. Unter Glas ein Tischkalender mit dem Datum: der 30. Oktober 1956. An der Wand — eine große Uhr, deren Zeiger nun für immer 7 Uhr zeigen: um diese Zeit, abends, verschied Filatow. In der Ecke am Eingang des Kabinetts hängt der blütenweiße Kittel des grossen Kämpfers gegen die Blindheit. Es ist, als ob der Besitzer dieses Kittels jeden Augenblick zurückkehren könnte, um sich ruhig dem Kranken gegenüber in den Sessel zu setzen und freundlich zu fragen: "Nun, was haben Sie denn da mit den Augen?"

Im Raum hinter dem Kabinett und dem sogenannten "Dunkelzimmer", wo einst der Akademiker die Kranken untersuchte, sind jetzt die Exponate des Filatowmuseums ausgestellt, sorgfältig und liebevoll behütet von der Frau des Verstorbenen, Kandidat der medizinischen Wissenschaften, Warwara Wassiljewna Skorodinskaja, die als oberer wissenschaftlicher Mitarbeiter seit vielen Jahren im Institut tätig ist.

Der Gründer dieses Instituts hat einen guten Ruf nicht nur in Erinnerung der Geheilten, nicht nur in der Geschichte der sowjetischen Medizin hinterlassen. Viel mehr — mit grossem Erfolg arbeitet weiterhin die filatowsche Schule. Sie hat all das Nützliche und Wertvolle, das sich im Laufe vieler Jahrzehnte angehäuft hat, absorbiert und macht jetzt weitere Fortschritte.

Ein weites Stück Weges ist zurückgelegt. Und deshalb wäre es sehr interessant ihm noch einmal nachzufolgen — von Anfang an bis zu dem heutigen Tag — um sich den morgigen Tag reifer vorstellen zu können. In der Tätigkeit von Wladimir Petrowitsch haben sich das Forschen und Suchen eines Gelehrten, Künstlers und Dichters harmonisch verflochten. Jawohl, eines Dichters! Filatow war ein sehr vielseitiger, hochgebildeter und begabter Mensch, Er hat viel gelesen und gesehen, wußte gründlich in Literatur und Kunst Bescheid, begeisterte sich für Musik, Malerei, Poesie. Dieser graubärtige Gelehrte, der vielen in den Wänden des Institutes vielleicht ein wenig zu streng und verschlossen erschien, der aber stets freundlich und aufmerksam den Menschen gegenüber war, liebte die Natur sehr.

"Mein Geburtsort wird von acht Wörtern bestimmt: Dörfchen Michailowka, Protassower Wo'ost, Saransker Bezirk, Pensaer Gouvernement — so schrieb Filatow in seinen Erinnerungen. Ein langes, graues, einstöckiges Holzhaus mit einem grünen Blechdach. Ein riesiger Garten, Beeren, Kirschbäume,

vor der Terasse Rosen... Im Frühling strotzten wir von Lebenssäften, so wie die grünen Blättchen der Birken, die duftenden Knospen der Pappeln, die weißen und zartrosa Blüten der Apfel- und Kirschbäume, so wie der gelbe Hahnenfuß, die lila Glockenblumen und die duftenden Maiglöckchen. Im Frühling tranken wir Birkensaft, konnten uns am Singen der Nachtigallen und Rotkehlchen nicht satt hören, ergötzen uns am Anblick der Goldamseln. Natur!... Wie oft hast du meine Seele in deine Arme genommen und sie in Minuten kindlicher Freude gewiegt, und so wiegst du diese Seele auch ein, als sie alt und krank wurde, in den Stunden von Leid und Weh... Ich segne dich, Natur meiner Heimat, da du mich mit den reinen Säften deiner Schönheit nährtest!... Wahrscheinlich habe ich wohl daran getan, daß ich mein Leben der Medizin gewidmet habe. Aber ich weiß nicht, was ich mit der Wissenschaft allein, ohne die Kunst getan hätte. Malerei und Poesie gingen als irgendein Faktor in meine wissenschaftliche Arbeit ein. Ich habe oft Probleme gelöst, indem ich sie mir in visueller Gestalt vorzeichnete."

Ein Mensch, der so selbstvergessen in die Natur verliebt war, mußte natürlich besonders tief empfinden, welche Gabe für den Menschen die Augen und die Möglichkeit zu sehen war. Den Blinden hat das Schicksal dieses große Glück geraubt. Und man muß es den Menschen zurückerstatten. Man muß die Unglücklichen vor den grausamen Schlägen des Schicksals retten. Die Menschen glauben an die Ärzte, sie erwarten von ihren Rettern das allergrößte Heil des Lebens: die Rückgabe des Augenlichts. Sie lechzen danach, die Sonne zu sehen und das Licht. Ihnen, "den Kindern des Dunkels, den Kindern der Nacht", widmete Filatow die dem Herzen selbst entrissenen, erregenden poetischen Zeilen:

Glaubet und wartet, Kinder der Nacht,
Der Augenblick naht und aus euren Augen

Weicht für immer der Schatten der Nacht.
Nein nicht ewig sind die Fesseln.
Jemand, der jung ist, hört euren Ruf,
Jemand, der jung ist, wird zu euch kommen,
Sein Gedanken wird, von Mitleid erwärmt,
Das schwere Dunkel zerreißen.

Eine furchtbare Geißel der Menschheit war der graue Star — eine Narbe auf der Hornhaut. Gegen ihn zog Filatow zu Felde. Mit sicherer Hand schob er den "Schirm" beiseite, durch den das Licht nicht in die Pupille dringen konnte. So wurde endlich der Schlüssel zur Lösung des Geheimnisses der Überpflanzung der Hornhaut gefunden, das Transplantat zu "zwingen" gut einzuheilen und durchsichtig zu bleiben. Was heißt "zwingen"? Die Filatowsche Operation der Überpflanzung (Keratoplastik) besteht darin, daß aus dem Star eine Scheibe von 4—5 mm im Durchmesser herausgeschnitten und an ihrer Stelle ein Stückchen durchsichtiger Hornhaut eines anderen Auges angenäht wird, Besser die Hornhaut eines lebendigen Auges — das war die Meinung der Okulisten. Filatow jedoch widerlegte diese Behauptung und wies nach, das gerade nicht eine frische, sondern dem Auge eines Verstorbenen entnommene und in einem Eisschrank bei 3—4°C Wärme konservierte Hornhaut effektiver einheilt. Dabei bemerkte Filatow, daß die übriggebliebenen Teile des Stars um das übergepflanzte Stückchen Hornhaut herum oft beginnen, sich von selbst aufzuhellen, manchmal so energisch, daß die Starreste von selbst verschwinden.

Woran liegt das eigentlich? Es stellt sich heraus, daß ein vom ganzen Organismus isoliertes lebendes Gewebe aktiv um sein Leben kämpft. In ungünstige Verhältnisse (niedrige Temperatur) versetzt, die es jedoch nicht töten, setzt das Gewebe den intensiven Kampf um seine Existenz fort. Die Funktion

seiner lebenden Zellen stellt sich von selbst um, die Zellen beginnen Schutzstoffe auszuarbeiten, die das Leben des isolierten Gewebes aufrechterhalten. Diese Stoffe sind Stimulatoren des Lebensprozesses, der biochemischen Reaktionen. Deswegen nannte Filatow sie "Biogene Stimulatoren". Eine neue Methode der Heilkunde — die Gewebetherapie wurde geboren. Sie bahnte sich einen breiten Weg von Murmansk bis Jerewan, von Sachalin bis Riga und weit über die Grenzen der Sowjetunion hinaus. In Japan, zum Beispiel, wurden zwei spezielle Institute gegründet, die sich mit Gewebetherapie beschäftigten. Vor einigen Jahren schrieb ein in den USA herausgegebenes ophthalmologisches Journal: "Einen großen Impuls auf dem Gebiet der Gewebetherapie haben die hervorragenden russischen Wissenschaftler gegeben. Die Anhänger Filatows haben eine völlig neue Phase in der Medizin eröffnet, eine Phase, von ebenso erstaunlicher Einstellung und hinreißendem Elan, wie der historische Beitrag Pasteurs oder Listers."

Die Methodik des Konservierens der Augen von Leichen, die von Filatow vorgeschlagen wurde, wird jetzt in allen Ländern der Welt angewendet, "Dort, wo der Tod unvermeidlich ist, wird neues Leben geboren" — das ist der Grundgedanke Filatows. So anschaulich charakterisierte die Erfolge der sowjetischen Ophthalmologen die rumänische Akademie der Wissenschaften.

Jedoch, offen gestanden, es gab auch Ungläubige (und die gibt es möglicherweise irgendwo noch jetzt), die an der Zweckmäßigkeit der Gewebetherapie zweifelten, oder einfach ihren tiefen wissenschaftlichen Sinn, die Rolle und Bedeutung der biogenen Stimulatoren in der Lebenstätigkeit des Organismus nicht erfaßten. Filatow verstand es, seinen Gegnern gebührende Abwehr zu leisten: Die Gewebetherapie steht im vollen Einklang mit dem wunderbaren Leitsatz der russischen Medizin von der führenden und bestimmenden Rolle des Or-

ganismus des Kranken selbst, seiner Reaktivität im Verlauf und beim Ausgang einer beliebigen Krankheit, einem Leitsatz, der von S. P. Botkin, I. S. Setschenow und I. P. Pawlow ausgearbeitet wurde. Wir wissen, daß laut der Lehre des Akademiemitgliedes I. P. Pawlow kein einziger Prozess im Organismus ohne Teilnahme des Nervensystems und in erster Linie seiner höheren Zentren vor sich geht. Bei der Behandlung mit biogenen Stimulatoren spielt das Nervensystem dieselbe führende Rolle wie bei allen anderen Heilmethoden.

Eine kolossale Entdeckung gemacht, löste Filatow auch ihre praktische Seite, indem er das notwendige Material für die Überpflanzung der Hornhaut ermittelte. Zur Zeit ist in der Sowjetunion die Benutzung der Augen von Verstorbenen für die Keratoplastik endgültig legalisiert. Deswegen kann jeder Arzt, der die Operation der Überpflanzung der Hornhaut macht, das nötige Material in seiner eigenen Stadt bekommen. Die Legalisierung fördert die Überpflanzung, indem sie die sorgfältige Auswahl der Hornhaut und ihre gründliche Laboruntersuchung sichert.

Es ist bekannt, daß die medizinische Betreuung in unserem Land kostenlos ist. Kostenlos ist auch die Behandlung im Filatowinstitut, wo Tausende von Menschen geheilt werden. Von der grandiosen Arbeit des Instituts sprechen überzeugend folgende Zahlen: In den 20 Nachkriegsjahren ist die Ambulanz von mehr als 1,5 Millionen Menschen besucht worden. In dieser Zeit haben mehr als 60 000 Kranke eine stationäre Heilungskur in der Klinik des Instituts durchgemacht. Die letztere zählt 450 Krankenbetten. (Vor dem Kriege gab es hier dreimal weniger Betten). In der Klinik kann man neben den Leuten aus allen Enden der Sowjetunion, aus Städten, aus entfernten Dörfern, Aulen, Kischlaken, auch Fremde treffen, die ihr Augenlicht wieder zu erlangen hoffen. Das Filatowinstitut ist zu einer Anstalt von internationaler Bedeutung geworden. Hier befin-

Ежедневно в институт прибывает много писем
They receive a lot of letters every day
Jeden Tag erhält das Institut viele Briefe

den sich Arbeiter, Bauern und Staatsmänner aus den sozialistischen Ländern; um sich zu heilen, kommen Leute aus England, Italien, der VAR, Syrien, Pakistan, Argentinien und aus vielen anderen Ländern. Der sich hier zur Kur aufhaltende ägyptische Gelehrte Hassan Sabhi nannte das ukrainische wissenschaftliche Forschungsinstitut für Augenkrankheiten und Gewebetherapie, das den Namen des Akademiemitgliedes W. P. Filatow trägt, bildlich "Das Institut des Lichtes". "Ich habe hier vierzig Tage verbracht, sagte Hassan Sabhi.

„Nie werde ich den Tag vergessen, als ich den ersten, mir so teuren Lichtschimmer unterscheiden konnte“.

An die Adresse des Instituts werden täglich riesige Mengen von Briefe gerichtet. Hier sind die Anfragen von Kranken über die Möglichkeit zur Behandlug aufgenommen zu werden, Bitten von Ärzten um Konsultationen, sowie auch die Dankbriefe derer, die ihre Augenlicht wiedererlangt haben. Die Spezialisten des Filatowinstituts stehen heute im Briefwechsel mit Gelehrten aus sechzig Ländern.

Um neue Erfahrungen zu sammeln, kommen nach Odessa Ärzte von jenseits des Ozeans, aus Europa und Asien. Im Jahre 1964 fand in Odessa ein internationales Symposium über Fragen der modernen Keratoplastik statt, an dem Gelehrte aus 18 Ländern teilnahmen. Das Filatowinstitut wurde auch von einer großen Gruppe von Spezialisten-Ophtalmologen aus London und anderen Städten Englands besucht. Ihrerseits besuchte der Direktor des Instituts, Held der sozialistischen Arbeit, Professor Nadeshda Alexandrowna Putschkowskaja, England. Dort tauschte sie ihre Erfahrungen mit hervorragenden Okulisten Großbritanniens aus.

Der wissenschaftliche Mitarbeiter des Instituts, T. I. Gorgiladse war über einen Monat im Irak, um die arabischen Spezialisten in der Gewebetherapie auszubilden. Mit einer Gegenvisite kamen die Okulisten Bagdads—Subhi Ibrahim Munib, Abdul Gani Salsala, Mudhafar Ibrahim Al-Sadir nach Odessa.

„Sehen! Gut!“ begeisterten sich die Araber, als sie die Arbeit des berühmten Instituts kennen lernten. Das filatowsche Präparat ALOE ist eine der populärsten Arzneien im Irak..

Und von neuem (nicht zum erstenmal) wunderten sich die ausländischen Gäste über die kostenlose Heilung in der Sowjetunion.

— Das ist eine der Errungenschaften unserer Revolution,— erklärte kurz und klar der Chefarzt des Instituts, Ewdokija

Antonowna Budilowa. — Sie erwies sich als vorteilhaft nicht nur für die Kranken, sondern auch für uns Ärzte, weil wir die Möglichkeit haben, den Kranken so lange in der Klinik zu behalten, wie es für seine völlige Genesung notwendig ist: manchmal sogar einige Monate lang. Wir haben die Möglichkeit, unsere Patienten vorzuladen, um sie zu beobachten. Und das trägt zweifellos zum Erfolg der Heilung bei.

Die Auslandspresse hat mehrfach gerade die medizinische Seite der kostenlosen Behandlung in der Sowjetunion als die progressivste, den Ärzten weite Möglichkeiten und Perspektiven eröffnende Seite hervorgehoben. Fast jeder von den das Institut besuchenden ausländischen Touristen erkundigt sich, ob es in der UdSSR eine sogenannte "Augenbank" für die Aufbewahrung zur Überpflanzung nötiger Gewebe und ihre Lieferung an Heilanstalten gäbe. Es ist bekannt, daß, zum Beispiel, in Amerika eine solche Bank gegründet worden ist. Wer Keratoplastik braucht, kann für eine große Geldsumme das nötige Material zur Transplantation erwerben. Was aber, wenn man das nötige Geld nicht hat?..

Die Agentur "United Press" berichtete einst, daß ein gewisser Unternehmer aus Nex-City, Frank Banbow, der einer Augenoperation bedurfte, beschloß, das Auge einer jungen Frau, Mutter von drei Kindern, zu kaufen. Sie erklärte folgendes: "Mein Mann ist ein tüchtiger Arbeiter, Aber sein Verdienst genügt für die Familie nicht. Ich habe diesen Plan drei Jahre lang durchdacht und mir alles in jeder Beziehung überlegt. Meine Kleinen sind das Opfer wert, und mein Mann hat seine Zustimmung gegeben". Bald erhielt die Unglückliche einen Brief von einem ihrer Landsleute: "Wenn Sie mehr Angebote als nur für ein Auge haben, so lassen Sie es mich wissen: ich befinde mich in derselben Lage wie Sie und bin bereit, mein Auge zu verkaufen."

Der aus Griechenland mit einer Gruppe Armenier repatriier-

Врач В. В. Скородинская (Филатова) в кабинете-музее
В. П. Филатова

Dr. Skorodinskaya (Filatova) at the Filatov's study museum
In the clinic's hall

Die Ärztin W. W. Skorodinskaja (Filatowa) im Kabinett-Mu-
seum von W. P. Filatow

te halbblinde Sänger Arthur Aidinjan weigerte sich seinerzeit sich einer Heilkur im Filatowinstitut zu unterziehen, weil ihm die Mittel nicht reichten, um das Augenlicht beider Augen wiederzugewinnen. Als man ihm jedoch das System des sowjetischen Gesundheitswesens erklärte, begann Arthur Aidinjan, außer sich vor Freude und Glück, zu singen! Man sagt, das Lied sei der Spiegel der Seele.

Filatow, ein feiner Kenner und Liebhaber der Musik, hörte seinem Patienten mit Erregung zu, Aufmerksam betrachtete er sein leicht zurückgeneigtes Haupt — die uralte Manier aller Blinden. Zwei Jahre später, mit ebenso großer Erregung, gemischt mit berechtigtem Stolz und Freude, saß Wladimir Petrowitsch in der ersten Reihe des Odessaer Opernhauses im Konzert von Arthur Aidinjan. Als er im Parkett seinen Retter wahrnahm, legte Arthur die Hand aufs Herz und verneigte sich. Filatow sah, wie glücklich er lächelte, und vielleicht erinnerte er sich an den weisen Ausspruch, daß man in die Welt mit den Augen des Glückes schauen sollte, dann würde alles gut sein.

„Ich nehme an, da meine Schüler, nachdem sie von meinen Träumen und Gedanken, die mit dem Problem der Überpflanzung der Hornhaut zusammenhängen, gehört; nachdem sie die Freuden und Enttäuschungen, die Hindernisse, auf die ich gestoßen, die Bedingungen die mir geholfen, kennengelernt haben, begreifen werden, daß die Fortschritte der Überpflanzung der Hornhaut, insofern ich sie förderte, nicht einem eleganten Tanz auf glattem Parkett glichen, sondern, wie die meisten wissenschaftlichen Probleme, einen Dornenweg gingen, den ich ihr mit großen Willens- und Gedankenanspannung bahnen mußte. Die Geburt einer Idee ist eine hervorragende Erscheinung — sie ist oft einem Lichtblitz ähnlich. Aber in der Regel geht diesem Blitz eine langwierige, vielfältige Anspannung der Gedanken, Interessen und Aufmerk-

samkeit voraus. Im Ergebnis wird jenes emotionale Feld geschaffen, auf dem die neue Idee, die Vermutung entsteht."

So belehrte Wladimir Petrowitsch die Fortsetzer seiner grossen Sache, die Zöglinge seiner Schule. Mit solchen Gedanken und Einstellungen ging er selbst in den Kampf gegen die Blindheit durch den grauen Star, gegen das Glaukom, die Katarakta, gegen die Atrophie des Sehnervs und die Ablösung der Netzhaut, gegen Komplikationen der Kurzsichtigkeit und gegen die pigmentierte Retinitis.

Heute ist die filatowsche Staffete in zuverlässigen Händen. Das Haus, in dem vor dreißig Jahren der erste Hoffnungsstrahl für die Blinden aufzuleuchten begann, setzt heute fort, das segensreiche Licht auszuströmen.

.... Professor Putschkowskaja operiert im hell erleuchteten Saal. Durch die breiten Fenster sieht man das endlose Meer, das jeden Augenblick seine Farbe wechselt: bald dunkel, bald hell, bald türkisblau, bald grün und golden. Nur bei Unwetter und Sturm wird das Meer finster und düster, es wird, wie sein Name lautet, schwarz.

Außerlich ist Nadeshda Alexandrowna ruhig und kaltblütig. Aber allen Anwesenden ist klar, was hinter dieser Unerschütterlichkeit steckt, und wieviel Nervenkraft einen operierenden Chirurgen diese Gelassenheit kostet. Im Operationssaal ist außer den Assistenten und Gehilfen eine Gruppe von englischen Okulisten anwesend, die um ophtalmologische Neuigkeiten zu sehen, nach Odessa gekommen sind, Vor der Operation hat Nadeshda Alexandrowna den englischen Gästen ausführlich von jenem Neuen erzählt, das ununterbrochen im Institut geboren wird. Filatow pflegte immer neue Wege zu gehen.

Davon erzählt sie auch in ihrem Buch, an dem sie jetzt arbeitet, "Im Kampf gegen die Blindheit". Der Leser wird in dem Buch viel Nützliches und Interessantes aus dem persön-

lichen Erinnerungen des Verfassers finden, der lange Zeit Schulter an Schulter mit dem verstorbenen Filatow gearbeitet hat und jetzt erfolgreich neue Wege in der Ophthalmologie bahnt. "Meine erste Bekanntschaft mit Wladimir Petrowitsch fand statt, als ich neun Jahre alt war", — erinnert sich Nadeshda Petrowna. "Mein Vater, ein Hals-Nasen-und Ohrenarzt, brachte mich einst zu Filatow, und ich erinnere mich, wie der "Doktor mit dem Bart" aufmerksam meine Augen untersuchte. Damals konnte es mir natürlich nicht in den Sinn kommen, daß dieser Doktor eine so wichtige Rolle in meinem Leben spielen sollte".

Die erste Bekanntschaft Nadeshda Alexandrownas mit der Keratoplastik kam bei etwas außerordentlichen Bedingungen zustande. Nach der Absolvierung des Kiewer medizinischen Instituts führte das Schicksal Putschkowskaja wieder mit Filatow zusammen. Filatow operierte einen Blinden und forderte Putschkowskaja auf, sich das sehendwerdende Auge anzuschauen. Anfangs sah Nadeshda Alexandrowna sehr wenig: die graue Regenbogenhaut — und nichts weiter. Doch nein, sie glaubte noch in der weißlichen Hornhaut gegenüber der Pupille ein kleines "Fensterchen" bemerkt zu haben. Damals konnte sie noch nicht wissen, daß Filatow dieses "Fensterchen" in die Welt im Ergebnis einer erfolgreich durchgeführten Operation der Überpflanzung der Hornhaut des Auges geöffnet sollte.

Am 2. August 1949 machte Wladimir Petrowitsch schon seine tausendste Überpflanzungsoperation. Dieses war die glänzende Bilanz der langjährigen mühevollen Arbeit eines Gelehrten-Ophthalmologen.

Im Operationssaal herrscht Stille. Nur hin und wieder hört man kurze Sätze: Putschkowskaja erklärt den Gästen die Nuancen der Schichthornhautüberpflanzung, spricht von der subtotalen (fast vollständigen) und totalen (vollständigen)

Überpflanzung der Hornhaut. Diese Operation unterscheidet sich gewissermaßen von der berühmten filatowschen Operation der teilweisen durchgreifenden Überpflanzung, die im Institut noch heute gemacht wird: in den 20 Nachkriegsjahren sind hier ungefähr 7500 Hornhautüberpflanzungsoperationen verschiedener Art durchgeführt worden.

Noch vor dem Kriege interessierte sich Filatow für den grauen Star, der als Ergebnis von Augenbrandwunden entstand. Das ist ein ungewöhnlicher Star, schwer und grob, der das Auge völlig verdeckt und verunstaltet. Ein Star, der oft oben von blutgefäßreichem Narbengewebe bedeckt ist (eine gesunde, durchsichtige Hornhaut hat überhaupt keine Blutgefäße). Hier kann eine teilweise Überpflanzung nicht helfen. In diesem Fall braucht man vollkommene Verfahren. Filatow beschäftigte sich mit ihnen, jedoch problematisch. Diese komplizierten Operationen wurden zum ersten Mal von Nadeshda Putschkowskaja, der Schülerin Filatows, vorgeschlagen und entwickelt.

In der letzten Zeit, im Zusammenhang mit der stürmischen Entwicklung der Wissenschaft und Technik, sind termochemische Brandwunden zu einer furchtbaren Plage für die Menschen in der ganzen Welt geworden. In die Krankenhäuser der US, zum Beispiel, werden alljährlich um die 100 000 Kranke mit schweren termochemischen Brandwunden eingeliefert. Von diesen sterben bis 10 000. Eine mehr als unangenehme Statistik. Und die Augen. Sie leiden wohl am meisten bei Brandwunden. Symblepharon — das Verwachsen des Augenslides mit dem Augapfel — das ist wohl eine der schwersten Erkrankungen, die bei Brandwunden des Auges entstehen. Noch vor kurzem wurden Kranke mit einer solchen Augenverletzung als gänzlich hoffnungslos betrachtet. Aber, wie bekannt, ließ Filatow vor keiner Krankheit die Hände sinken. Und er stellte vor Putschkowskaja die konkrete, aber gar nicht

leichte Aufgabe, den von Brandwunden Erblindeten "die Augen zu öffnen".

Aber erst nach dem Kriege, als Nadeshda Alexandrowna nach der Demobilisierung aus der sowjetischen Armee, wo sie an der Spitze der Augenabteilung eines Feldlazaretts stand, nach Odessa zurückkehrte, ging sie dicht an die Lösung dieses Problems. Sie leitete im Institut die klinische Abteilung der wiederherstellenden Ophtalmologie. 1954 schrieb sie über dieses Thema ihre Doktordissertation, deren wissenschaftlicher Leiter das Akademiemitglied Filatow war.

Die talentvolle Nachfolgerin ihres hervorragenden Lehrers hat eine neue Methode der Operation des ausgedehnten Verwachsens des Augapfels mit den ihn umgebenden Geweben entwickelt.

Worin liegt der Sinn dieser Operation? Das verwachsene Gewebe wird durchtrennt, und die an das Auge festgewachsenen Lider werden von ihm abgelöst. Die Wundoberfläche des Augapfels und die innere Oberfläche des Augenlides werden mit dünnen Schleimhautläppchen, die der Lippe des Kranken entnommen werden, bedeckt. Der jetzige Leiter der Abteilung der wiederherstellenden Ophtalmologie, der obere wissenschaftliche Mitarbeiter des Instituts, Grigorij Wassiljewitsch Legesa ging noch weiter. Er schlug vor, die Schleimhaut zur Überpflanzung ins versengte Auge und Augenlid nicht beim Kranken selbst, sondern bei Leichen, wie die Hornhaut, zu nehmen. Wie die letztere kann man auch die Schleimhaut in Kälte konservieren, um nachher die in ihr verborgenen biogenen Stimulatoren zu neuer Tätigkeit zu erwecken. Diese Methode ist neu und originell. Aber im Institut spricht man darüber noch nicht gern, da die Arbeit noch nicht vollendet ist...

Wollen wir und jedoch wieder der Tätigkeit von N. A. Putschkowskaja zuwenden. Wie das immer geschieht, stieß sie

beim Einführen von Neuerungen auf Schwierigkeiten. Nur mit der Zeit, nach einer Reihe von Mißerfolgen, wurde es Putschkowskaja klar, daß ein außerordentlich wichtiger Faktor der Operation die genaue Befestigung der übergepflanzten Schleimhaut, ihrem gleichmäßiges Anliegen an die Wundoberfläche des Augnlides und Augapfels sei. Eng anliegende Lappchen heilen gut ein und schrumpfen nicht zusammen.

Die Patientin Maria K. war die Erste, an der seinerzeit solch eine Operation vollzogen wurde. Maria war ein großes Unglück zugestoßen. Spritzer einer starken Laugenlösung waren ihr in die Augen geraten. Und beide Augen der jungen schönen Frau wurden fest von den Geweben der Augenlider "zugelötet". Blindheit... Zur Ehre Marias muß es gesagt werden: sie verlor den Mut nicht und zeigte Tapferkeit und Willenskraft. Sie wurde Mitglied der Blindenvereinigung, lernte lesen und schreiben nach Braille, erwarb einen Beruf und ging arbeiten. Aber nie verläßt einen Blinden die Hoffnung wieder sehend zu werden. Davon träumte auch Maria. Und mit der Zeit gingen ihre Träume in Erfüllung. Sie wurde von N. A. Putschkowskaja operiert. Und da erlebte der Neuerer die Freude des Sieges und die Bitternis des Mißerfolges zugleich. Nachdem die verwachsenen Stellen zwischen Augapfel und Augenlid entfernt waren und Marias Auge endlich "aus der Gefangenschaft" der grob gewordenen Gewebe, die es wie eine Steinwand vermauert hatten, befreit worden war, kehrten sich plötzlich die Lider einwärts. Es entstand eine neue gefährliche Komplikation, die schwer vorauszusehen war: das Auge war nun völlig entblödt und begann zu trocknen. Die Kranken empfinden dabei quälende Schmerzen, hervorge-

→

В холле клиники
In a hall of the clinic
Im Vestiböl der Klinik

rufen durch die Reibung der trockenen Schleimhaut der Lider an die trockene Hornhaut.

Wodurch wird ein solches Einwärtskehren des Augenlides hervorgerufen? In erster Linie durch Verkürzung seiner inneren Oberfläche als Ergebnis der Zusammenschrumpfung der auf das kranke Auge übergepflanzten Schleimhaut. Um diese Komplikation zu beseitigen, schlug Putschkowskaja vor, eine zweite Operation durchzuführen, bei der die Augenlider verlängert und zeitweilig zusammengenäht werden.

Solch eine Operation wurde an Maria vollzogen. Sie verlief erfolgreich, und in kurzer Zeit gewann Maria ihr Augenlicht völlig wieder.

Seltdem ist viel Wasser den Berg hinabgeflossen. Viele solcher Operationen sind von Nadeshda Putschkowskaja vollzogen worden.

Auch jetzt legt sie nach einer subtotalen Überpflanzung der Hornhaut eine Naht auf das Auge des Operierten. Ihre Hände arbeiten exakt und sicher. Schluß! Jetzt wird der Kranke sehen. Daran besteht kein Zweifel mehr.

— It is a marvel! Das ist fabelhaft! — ruft jemand von den englischen Gästen aus.

In einem langen Korridor lehrt man die Wiedersehendgewordenen gehen. Wundern Sie sich nicht! Diejenigen, die ihr Augenlicht wiedergewonnen haben, muß man vieles lehren, insbesondere das Gehen. Denn der Blinde, sogar nachdem er sein Sehvermögen wiedererworben hat, setzt es fort, seinen Weg zu tasten. Man muß ihm auch wieder die Fähigkeit zu sehen beibringen. Oft geschieht es so: die Operation ist erfolgreich verlaufen, das Transplantat ist genügend durchsichtig eingeeilt. Die Augen sind schon vollständig gesund. Der Mensch ist sehend geworden, aber... er kann nicht sehen. Genauer — er versteht es nicht. Es gibt Blindheit durch die sogenannte Amblyopia. Das lange im Dunkel verborgene Auge

hat es verlernt zu sehen. Das geschieht meistens bei Leuten, die in früher Kindheit erblindet sind. Solche Kranke muß man von neuem sehen lehren. Nur die märchenhafte Jolanta, zart und innig vom genialen Tschaikowsky besungen, konnte, nachdem sie ihr Augenlicht wiedererlangt hatte (sie war blind von Geburt), frei sehen und die Gegenstände auf dieser Erde unterscheiden. Im Leben geschieht so etwas nicht. Deshalb werden im Institut in der Abteilung der Hornhautüberpflanzungen die wiedersehendgewordenen Kranken gelehrt ihr Sehvermögen richtig zu benutzen. Damit beschäftigt sich der obere wissenschaftliche Mitarbeiter des Instituts Walentina Petrowna Milowanowa, die eine besondere Methode für die Entwicklung der Sehkraft der an Amblyopia kranken Augen entwickelt hat.

Da ist Mara S. Sie ist jetzt 50 Jahre alt, blind von Geburt. Marias Bruder war auch schon in der Kindheit blind. Er wurde erfolgreich operiert, die Hornhaut wurde übergepflanzt, und er gewann sein Augenlicht wieder. Nur dann wagte Maria die Operation. Jawohl — sie wagte! Denn sie kannte nämlich kein anderes Leben und wollte es nicht kennen, oder besser gesagt, sie fürchtete es, weil sie einfach nicht begriff, was sie später mit ihren sehenden Augen anfangen sollte.

Zuerst wurde das rechte Auge Marias operiert: man pflanzte die Hornhaut über. Das Transplantat blieb durchsichtig. Zwei Jahre später wurde dasselbe mit dem linken Auge gemacht. Die Sehschärfe war völlig zulänglich. Aber mit zwei Augen zu schauen, das hat Maria noch nicht gelernt, und das betrübt sie ein wenig. Wer einmal das Licht erblickt hat, den zieht es später das ganze Leben lang zu ihm, wie eine Blume zur Sonne. Doktor Milowanowa ist sehr optimistisch gestimmt und hofft, daß bald Marias Augen sich endgültig mit der Umwelt "aussöhnen" werden.

Die Augen! Wieviel ist über sie geschrieben, wieviel Lieder und Romancen sind ihnen gewidmet! Blaue Augen, schwar-

ze, braune, grüne, graue, türkisfarbene. Aber die Augen des usbekischen Mädchens Nura Pulatowa, das aus dem fernen Ferganatal nach Odessa gekommen ist, waren ganz außergewöhnlich: sie waren rot, ganz rot.

Es gibt solch einen Ausdruck: "die Augen auf dem nassen Fleck haben". — Das ist aber nicht immer der Fall, bemerkt Professor Wladimir Jewgenjewitsch Schewalew, früher oberer wissenschaftlicher Mitarbeiter des Filatowinstituts und Schüler von Wladimir Petrowitsch, heute Hauptkulist der Ukrainischen Republik. Seine Bemerkung ist begründet. Nicht alle können weinen, denn es gibt Augen, die keine Tränen haben, da sie auf "einem trockenen Fleck" stehen. Wie wir schon erwähnten, ist das eine sehr ernste und gefährliche Erkrankung — die Xerose.

In früher Kindheit hatte Nura Pulatowa ein Trachom überstanden und ihre Augen waren völlig ausgetrocknet. Von klein auf wußte das Mädchen nicht, was Tränen seien. Nura Pulatowa hat viel geweint, aber ohne Tränen — nur mit dem Herzen. Dann aber kam sie ins Institut, das den Namen des Akademiemitgliedes Filatow trägt...

Hier machte der hervorragende Chirurg W. J. Schewalew die Augen des Mädchens wieder feucht mit Hilfe des sogenannten Ductus Stenonii, d. h. der Speicheldrüse. Seinen biochemischen Eigenschaften nach kann der Speichel die Tränen vollkommen ersetzen. Diese Operation ist sehr kompliziert. Sie verlangt vom Chirurgen außerordentliche Meisterschaft und Findigkeit. Schewalew, der eine neue Heilmethode gegen das Austrocknen der Augen ausgearbeitet hatte, beherrschte die Technik des Zuführens des Ductus Stenonii glänzend. Und zum erstenmal seit langen, langen Jahren begann Nura Pulatowa zu weinen. Das aber waren Tränen der Freude einer Wiedersehendgewordenen. Im Institut sagte man damals: "Unsere Nura vergießt Tränen — das ist sehr gut."

Лазер в действии. Момент прожигания сетчатки

Lazer in action: soldering up of "retine"

Der Lazerapparat in Aktion: die Netzhaut wird "angelötet"

Was geschieht nicht so alles im Leben! Nehmen wir zum Beispiel Traumata der Augen. Wieviel sind es ihrer an einem Tage! Manche haben einen günstigen Ausgang. Aber oft tritt Blindheit ein. Aus diesem Grunde ist im Institut eine neue Abteilung eröffnet worden — die traumatologische, an deren Spitze ein erfahrener Okulist, Doktor der medizinischen Wissenschaften, Sinaida Michailowna Skripnitschenko, steht. Während des Krieges, als Sinaida Skripnitschenko sich an der Front befand, kämpfte sie unermüdlich um das Servermögen

vieler verwundeter Krieger. Nebenbei, unlängst erinnerte sie ein Fall auf neue an den Krieg. Als dieses "Kriegsecho" erwies sich ein kleiner Granatsplitter, der 1943 in das Auge des dreijährigen Mädels Galina P., Tochter eines Grubenarbeiters aus dem Donbass, geraten war. 23 Jahre lang "irrte" der Splitter im Auge umher, bis endlich, nach ihrer Ankunft in Odessa, die junge Frau ihn loswerden konnte. Sinaida Michailowna entfernte den Splitter nach einer Trepanation der Hornhaut.

Viele Leute erblinden durch die Ablösung der Netzhaut des Auges. Sie muß wieder an ihren Platz zurück. Das ist eine komplizierte Prozedur. Mit ihr beschäftigt sich der Kandidat der medizinischen Wissenschaften, Sergej Wladimirowitsch Filatow, der Sohn des Akademikers, der in den Fußtapfen seines Vaters wandelt und im Institut eine spezielle Abteilung für den Kampf gegen die Ablösung der Netzhaut leitet. In dieser Abteilung ist vieles für die Erschaffung eines neuen Apparates mit Ausnutzung des "Lasers" getan worden. Einer seiner Schöpfer — der Arzt Leonid Andrejewitsch Linnik — hat schon vielen Kranken die Netzhaut wieder an ihren Platz "angelötet" mit Hilfe des Strahls dieses Apparates.

Seine Exposition ist der tausendste Teil einer Sekunde.

Wie die Spezialisten behaupten, übertrifft seine Lichtstärke zehntausend Mal das Aufblitzen des Sonnenlichts und natürlicherweise darf dem Auge keine Zeit gelassen werden, auf diese kolossale Lichtstärke zu reagieren.

Schauen wir mal in die Kinderabteilung hinein, die seit vielen Jahren von einer talentvollen Schülerin Filatows, Professor Susanna Alexandrowna Barchasch geleitet wird. "Das Herz blutet einem", sagte einst Wladimir Petrowitsch, "wenn man Kinder sieht, die zu Invaliden oder Blinden in der ersten Frühe des Lebens geworden sind..." Das Glaukom (erhöhter Augeninnendruck), die Katarakta (Trübung der Augenlinse), Schiel-

äugigkeit, Kurzsichtigkeit, Weitsichtigkeit, der Star, die Amblyopia — all das kann bei Kindern vorkommen, wenn man nicht rechtzeitig Acht gibt, wenn man keine Prophylaktik in frühem Alter durchführt.

Unter den Okulisten der Welt hat sich schon von eh und jeh so eine Meinung gestaltet, daß insofern Kinder sehr unzuverlässige und kapriziöse Patienten seien und bei der Operation stören, die Binde von den Augen herunterreißen könnten und dergleichen mehr — so solle man ihnen nicht früher als im Alter von 11—15 Jahren eine Staroperation machen. Das Akademiestmitglied Filatow lehnte sich gegen einen solchen Standpunkt auf: warum das Reifen und sogar das Altwerden des Stars und dann die Amblyopia — Blindheit vom Nichtverstehen zu sehen — zulassen? Je früher ein Mensch seine Krankheit los wird, desto besser. Und deswegen hat man es im Filatowinstitut gelernt, Kinder in zartem Alter, sogar sechs Monate alte, zu operieren.

Andrej Jewgenjewitsch Schewalew, Doktor der biologischen Wissenschaften macht uns mit der Arbeit des von ihm geleiteten Laboratoriums der Sehphysiologie bekannt.

Zu den schwersten Augenkrankheiten gehört das Glaukom. Die Ausarbeitung der allereffektivsten Heilmethoden dieser Krankheit ist unmittelbar mit der Erforschung der Gründe verbunden, die zu ihrer Entwicklung beitragen. Die Mitarbeiter der Institutslaboratoriums beschäftigen sich eingehend mit diesem wichtigen Problem. Sie haben eine Methode für das künstliche Hervorrufen des Glaukoms bei Tieren ausgearbeitet. Im Laboratorium sind auf experimentalem Wege einige der möglichen Gründe entdeckt worden, die zur Entwicklung des Glaukoms beim Menschen beitragen. Es wird alles dazu getan, um weiterhin möglichst effektive Methoden der Prophylaktik und Heilung dieser Krankheit auszuarbeiten.

Der große ukrainische Dichter, Tारा́ Grigorjewitsch Schew-

tschenko schrieb einst in sein Tagebuch: "Ich liebe es sehr, glückliche Leute anzuschauen. Meiner Meinung nach gibt es keinen herrlicheren, ergötzlicheren Anblick, als die Gestalt eines glücklichen Menschen". Stellen Sie sich an den Ausgang des Filatowinstituts, und Sie werden diesen herrlichen, ergötzlichen Anblick haben. Diejenigen, die noch vor kurzem mit unsicheren, verzagten Schritten, laut mit dem Stock aufklopfend, hierher kamen, verlassen jetzt das Institut mit hoherhobenem Kopf, sicherem Tritt und weitgeöffneten glücklichen Augen.

"Lassen Sie uns Ihren Stock zum Andenken", wendet sich der Chefarzt des Instituts, Ewdokija Antonowna Budilowa an den Wiedersehendgewordenen. Und der trennt sich ohne zu zögern von seinem hölzernen Blindenführer, der ihn all die qualvollen Jahre begleitet hat. Jetzt braucht er diesen Stock nicht mehr. Ewdokija Antonowna jedoch, die alle Blinden und Sehenden empfängt und ihnen das Geleit gibt, sammelt eine Kollektion der Stöcke von Blinden, um mit der Zeit im Institut ein ungewöhnliches Museum zu eröffnen.

Der Chefarzt des Filatowinstituts Budilowa hat mehrere Jahre unter der Leitung von Wladimir Petrowitsch gearbeitet und fürs ganze Leben seine Thesis behalten: "Den Kranken muß man lieben, denn er vertraut uns sein Teuerstes an — sein Augenlicht". Deswegen empfängt sie mit besonderer Herzlichkeit die vielzähligen Besucher des Instituts. Budilowa selbst hat im Leben viel Schweres durchgemacht. Tochter eines Arbeiters, war sie nach Absolvierung einer medizinischen Lehranstalt einige Jahre lang auf dem unterirdischen medizinischen Hilfsplatz einer Kohlengrube im Donbass tätig. Damals war die Technik des Streckenvortriebs noch ziemlich primitiv. Dort wurde Ewdokija Antonowna von besonders tiefem Gefühl für die Arbeiter, die ihr Sehvermögen verloren hatten, ergriffen. Eben hier, im tiefen Kohlenschacht, faßte Budilowa den festen Beschluß, ihr Leben der Heilung menschlicher Augen zu wid-

Первая встреча
The first encounter
Erste Bekanntschaft

men. Vor dem Kriege absolvierte sie das Rostower medizinische Institut und leitete die Augenabteilung des Krankenhauses in der Grubenarbeiterstadt Krasnij Lutsch. Dann — die Front... Oft mußte man Verwundete 18 Stunden am Tag operieren und dazu noch unter Artilleriefeuer. Nach dem Krieg verband Budilowa ihr Schicksal mit dem Filatowinstitut. Jetzt tut sie viel

В институтской лаборатории
At the Institute's laboratory
Im Institutslaboratorium

Nützliches, führt beharrlich progressive Methoden der Krankenuntersuchung ein. Dabei hilft ihr das ganze Kollektiv der Ärzte und des medizinischen Hilfspersonals.

Acht Abteilungen gibt es im Institut. Außer den schon genannten — die Glaukom-, Hornhautüberpflanzungs-, Gewebetherapie-, wie auch eine onkologische Abteilung. Sie sind mit der allerneuesten medizinischen Apparatur ausgestattet — sowohl für Diagnostik, als auch für Heilung: Lazerapparate, Enzephalographen, Retinographen, Ultraschall- und Röntgenapparate usw.

Eine große Arnee von Spezialisten — Ophtalmologen kämpft um das segensreiche Licht in Menschengen. Viele dieser Ärzte sind hier im Institut aufgewachsen, sind hier zu Kandidaten und Doktoren der Wissenschaft geworden und setzen ihre wissenschaftlichen Forschungen fort. Das sind — D. G. Buschmitsch, L. D. Dantschewa, A. I. Pachomowa, N. I. Spak und andere.

Wir haben nur einen Teil dessen beschrieben, was in den Wänden des Instituts, das den Namen W. P. Filatows trägt, geschieht. Es ist schwer, die kolossale schöpferische Arbeit des Kollektivs zu überschätzen. Jedesmal, wenn man den freudigen, aus tiefster Seele kommenden Ausruf des Kranken: "Ich sehe!" hört, ersteht im Gedächtnis die Gestalt des berühmten holländischen Arztes Van Tulp, der auf seinen Schreibtisch eine zur Hälfte niedergebrannte Kerze mit der symbolischen Aufschrift gestellt hatte: "Den anderen leuchtend verbrenne ich."

Allen Blinden das Licht zu geben — das ist der Traum, in dessen Namen das talentvolle Kollektiv des Filatowinstituts, alle sowjetischen Ophtalmologen aufopferungsvoll arbeiten. Und es besteht kein Zweifel: die Zeit ist nah, wo dieser Traum zur Wirklichkeit werden wird.

АНДРИЕВСКИЙ НИКОЛАЯ ЮЛИАНОВИЧ
ИНСТИТУТ СВЕТА

(На русском, английском и немецком языках)

Редактор *К. С. Саркисьян*
Художественный редактор *Н. И. Зайцев*
Художник *Э. П. Штода*
Технический редактор *Т. Н. Молчанова*
Корректор *А. И. Гринштейн*

Фото *Г. Л. Клеймана, А. Л. Фатеева*

БР 07551. Сдано в набор 9.XI. 1966 г. Подписано к печати 14.II. 1967 г. Формат бум. 70×108^{1/2}. Бумага мелованная; бум. л. 1,43; 2,875 п. л.; усл. п. л. 4. Уч.-изд. л. 4,11. Тираж 14000. Зак. 6006. Цена 28 коп.

Издательство «Маяк», Одесса, ул. Жуковского, 14.

Одесская типоофсетная фабрика Комитета по печати при Совете Министров УССР, ул. Дзержинского, 24.

دفعہ

۱۶

28 ноя.